

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ

5(39), 2021

Научный журнал

Журнал «Евразийский Союз: вопросы международных отношений»
включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по политическим наукам

МОСКВА, 2021

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ

Научный журнал

ISSN 2306-5702

УЧРЕДИТЕЛИ:
ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
массовых коммуникаций,
связи и охраны
культурного наследия
Рег. № ПИ № ФС77-50417
от 29 июня 2012 г.

Журнал издается
один раз в три месяца

Адрес редакции:
115598, г. Москва,
ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.evrzouz.ru
E-mail:
evrzsouz@yandex.ru

Мнение авторов
может не совпадать
с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи,
публикуемые
в журнале подлежат
обязательному
рецензированию.

Журнал включен в базу
РИНЦ (Российский
индекс научного
цитирования)

Компьютерная верстка
Алициферова А.С.

Подписано в печать
26.10.2021

Формат 60×84/8.
Объем 24,3.

Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 000

Отпечатано
в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва,
ул. Щипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА:

главный редактор журнала, доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Белоруссия, г. Минск

доктор политических наук, Казахстан, г. Алматы

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

ЖИЛЬЦОВ

Сергей Сергеевич

АБРАМОВА

Ольга Дмитриевна

БОЖАНОВ

Владимир Александрович

НАСИМОВА

Гульнар Орленбаевна

АБРАМОВ

Валерий Леонидович

АРУПОВ

Акимжан Арупович

АЮПОВА

Зауре Каримовна

БЕКБОСЫНОВ

Мэлс Боромбаевич

БЛОХИН

Владимир Владимирович

ВЫСОЦКИЙ

Андрей Викторович

ГАЙДУК

Валим Витальевич

ГОНЧАРОВ

Петр Константинович

ГРИШНОВА

Елена Евгеньевна

КАССАЕ НЫГУСИЕ В.

МИКАЭЛЬ

КИРАБАЕВ

Нур Серикович

КОМЛЁВА

Валентина Вячеславовна

КОЗЛОВ

Геннадий Яковлевич

МЕДВЕДЕВ

Николай Павлович

МИХАЙЛЕНКО

Александр Николаевич

МУРАВЬХ

Анатолий Иванович

НЕСТЕРЧУК

Ольга Алексеевна

НАЗАРОВ

Александр Данилович

ОРЛОВ

Игорь Борисович

ОЖИГАНОВ

Элвард Николаевич

САВИНОВ

Леонид Вячеславович

СЛИЗОВСКИЙ

Дмитрий Егорович

СЫЗДЫКОВА

Жибек Сапарбековна

ЯВЧУНОВСКАЯ

Регина Анатольевна

доктор экономических наук, Россия, г. Москва

доктор экономических наук, Казахстан, г. Алматы

доктор юридических наук, Казахстан, г. Алматы

Председатель Попечительского Совета журнала, доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

кандидат политических наук, заместитель главного редактора научного журнала «Евразийский Союз: вопросы международных отношений», Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Уфа

доктор социологических наук, Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

доктор философских наук, Россия, г. Москва

доктор социологических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Рязань

доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор экономических наук, Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

доктор философских наук, Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Новосибирск

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

доктор политических наук, Россия, г. Москва

Главный редактор – О.Д. АБРАМОВА (д.п.н.)

Редакционная коллегия

Божанов В.А. (д.и.н., Белоруссия, г. Минск)

Высоцкий А.В. (к.п.н., зам. главного редактора, Россия, г. Москва)

Гончаров П.К. (д.с.н., Россия, г. Москва)

Насимова Г.О. (д.п.н., Казахстан, г. Алматы)

Нестерчук О.А. (д.п.н., Россия, г. Москва)

Медведев Н.П. (д.п.н., Россия, г. Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

<i>Карадже Т.В.</i> В поисках критериев жизнеспособности цивилизации: методологический аспект	327
<i>Асси Абед Эль Рахим.</i> Роль СМИ в формировании имиджа политического лидера.....	338

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

<i>Тушков А.А., Алехина А.П.</i> Философия конфуцианства и общество современного Китая. Восприимчиво ли общество к конфуцианству?	345
<i>Дубровина О.В., Дубина А.Ш., Рожкова Л.В.</i> Основные направления и перспективы развития интеграции стран Евразийского Экономического Союза и Европейского Союза.....	352
<i>Абрамова М.А.</i> «Евразия» и «евразийское пространство» в контексте интерпретаций	360
<i>Тушков А.А., Оселедец А.Г., Тушков А.А.</i> Сценарии развития стратегии внешнеполитического курса Соединенных Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе.....	369
<i>Койбаев Б.Г., Наджарян А.Б.</i> Проблемы развития неправительственных организаций в Республике Армения.....	380
<i>Алибаев Е.А., Онучко М.Ю.</i> Государственная политика в области продовольственной безопасности приграничных регионов Казахстана: влияние и решения COVID-19	385
<i>Николенко А.А.</i> Социокультурные аспекты властных отношений современной России	392
<i>Ковалевский А.А.</i> Этнодемографические аспекты современной болгарской геополитики.....	397
<i>Барья Сохраб.</i> Афгано-Иранские отношения: исторические аспекты и современное состояние	413
НАШИ АВТОРЫ.....	420
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ.....	424

CONTENTS

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Karadzhe T.V.** In Search of Criteria for the Viability of Civilization:
a Methodological Aspect..... 337
- Assi Abed El Rahim.** The Role of the Media in Shaping
the Image of a Political Leader 344

HISTORY AND THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

- Tushkov A.A., Alekhina A.P.** The Philosophy of Confucianism
and the Society of Modern China. Is Society Receptive to Confucianism? 351
- Dubrovina O.V., Dubina A.S., Rozhkova L.V.** The Main Directions
and Prospects for the Development of Integration of the Countries
of the Eurasian Economic Union and the European Union 358
- Abramova M.A.** “Eurasia” and “Eurasian Space”
in the Context of Interpretations 368
- Tushkov A.A., Oseledets A.G., Tushkov A.A.** Scenarios
for the Development of the Strategy of the Foreign Policy
of the United States in the Indo-Pacific 379
- Koibaev B.G., Nadzharyan A.B.** Development Problems
of Non-Governmental Organizations in the Republic of Armenia 384
- Alibaev E.A., Onuchko M.Yu.** State Policy in the Field
of Food Security of the Boundary Regions of Kazakhstan:
the Impact and Solutions of COVID-19 386
- Nikolenko A.A.** Sociocultural Aspects
of Power Relations in Modern Russia 395
- Kovalevskiy A.A.** Ethnodemographic Aspects
of Modern Bulgarian Geopolitics 412
- Sohrab Barya.** Afghan-Iranian Relations:
Historical Aspects and Current Situation..... 419

OUR AUTHORS..... 422

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS..... 424

В ПОИСКАХ КРИТЕРИЕВ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье отмечается, что в современном мире наблюдается усиление роли цивилизаций как субъектов мировой политики в реструктуризации мирового политического пространства, что обострило значимость исследований проблемы цивилизационного мироустройства. В этой связи автором предпринята попытка рассмотреть факторы, обеспечивающие жизнеспособность и эффективное развитие цивилизаций в изменяющихся исторических условиях. Обращаясь к анализу генезиса и эволюции социокультурных систем, ставших основанием качественно новой социальной общности – цивилизации, автор рассматривает особые свойства культурной матрицы, детерминирующей жизнеспособность цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, культура, культурно-исторический тип, культурная матрица, кризис, жизнеспособность.

В последние годы возрос интерес научного сообщества к исследованиям связанным с теоретическим осмыслением и прогнозированием миропорядка. Завершение цикла мирового господства, нарастающие издержки глобализационных процессов, усиление противостояния стран-лидеров, актуализировали поиски возможных моделей современного мироустройства. Проявившиеся тенденции к образованию новых межгосударственных блоков и более тесному взаимодействию государств по признакам цивилизационной идентичности, усиление значимости цивилизаций как субъектов мировой политики в процессе передела влияния в глобальном мире и реструктуризации мирового политического пространства, вновь обострили значимость исследований проблемы цивилизационного мироустройства.

Цивилизационная проблематика нашла свое отражение в теоретических спорах, которые длятся уже не одно десятилетие. Среди них проблемы классификации цивилизаций [4; 6] и продолжительности цивилизационных ци-

клов [6], поиски интегрирующих оснований цивилизаций и вопросы самоопределения «межцивилизационного пространства» [5]. Интерес к данной проблематике привел к появлению постоянно действующих международных дискуссионных площадок, где ведется обсуждение различных аспектов рассматриваемой проблемы, примером чему является Всемирный форум «Диалог цивилизаций».

Однако при всем многообразии исследований, вопрос о причинах жизнеспособности цивилизаций остается открытым. Речь идет не о причинах разрушения и гибели цивилизаций – здесь история продемонстрировала всё возможное многообразие, а именно о свойствах, детерминирующих жизнеспособность цивилизации и возможность ее эффективной трансформации в условиях динамично изменяющейся внешней среды. А. Тойнби определил это свойство как способность цивилизации адекватно реагировать на внешние и внутренние вызовы. В чем состоит эта способность, есть ли универсальные закономерности жизнеспособности цивилизации или они носят сугубо индивидуальный характер? Можно ли учесть опыт другой цивилизационной общности, или прав Гегель, утверждающий, что «история нас учит тому, что ничему не учит»? Вопрос этот давно из сферы сугубо академических интересов перешел в область политической практики.

Результаты исследований современных мировых процессов ставят под сомнение классические выводы цивилизационной теории о длительности жизненных циклов и параметрах поведения цивилизации в «фазе надлома». Историческая реальность свидетельствует, что прямая экстраполяция общепринятых постулатов на исследовательскую схему анализа развития современных цивилизаций, неправомерна. Согласно теории жизненных циклов цивилизации О. Шпенглера, предполагается, что сегодня мы должны наблюдать процессы «надлома» китайской, вернее конфуцианской, (что связано с включением в ее цивилизационный ареал других социальных систем) и индийской цивилизаций. Однако ситуация несколько другая – мы являемся свидетелями стремительного развития этих цивилизаций. Более того, мировое сообщество поставлено перед фактом не только усиления их экономического и политического влияния, но и возрождения имперских притязаний Поднебесной и вероятности вхождения Индии в пул цивилизаций-лидеров в ближайшие десятилетия.

И здесь возникает вопрос – если продолжительность жизненного цикла цивилизаций увеличивается, то какими ресурсами жизнеспособности обладают эти системы, в чем секрет их столь успешной адаптации к вызовам изменяющейся реальности? Еще А. Тойнби отмечал, что социальные системы различным образом реагируют на внешние и внутренние вызовы: «Представители одного и того же вида обществ, оказавшись в одинаковых условиях, совершенно по разному реагируют на испытания – так называемый, вызов истории. Одни сразу же погибают; другие выживают, но такой

ценой, что после этого уже ни на что неспособны; третьи столь удачно противостоят вызову, что выходят не только не ослабленными, но даже, создав благоприятные условия для преодоления грядущих испытаний; есть и такие, что следуют за первопроходцами, как овцы следуют за своим вожаком» [4. С. 85]. В этой связи, исследовательский интерес вызывают детерминанты, обуславливающие жизнеспособность, историческую устойчивость и адаптивные возможности цивилизаций, прошедших весь жизненный цикл – от зарождения до сегодняшних дней и демонстрирующих потенциал дальнейшего роста.

Рассматривать этот вопрос возможно при условии методологической четкости используемого понятийного аппарата, так как, несмотря на то, что исследование данной проблемы имеет долгую историю, тем не менее, трактовка содержания дефиниции «цивилизация» различна. С одной стороны, в современной науке продолжается научная традиция, заложенная Н.Я. Данилевским и О. Шпенглером, рассматривающих «культуру» и «цивилизацию» как нетождественные понятия: «Цивилизация и культура – не синонимы: система современной цивилизации, характерная для стран Европы, США и Японии одна и та же, хотя культуры во всех странах различные» [3. С. 6], с другой, – распространено неправомерное перенесение совокупности причин и факторов, объясняющих зарождение и развитие государства на исследование генезиса и эволюции цивилизации.

Надо отметить, что цивилизация как качественно новый уровень развития социальной системы характеризуется тем, что возникает в результате длительного исторического развития, имеет *определенный* тип культуры как матрицу цивилизации и соответствующую ей общественно-производственную технологию, т.е. это целостная система диалектически взаимодействующих элементов. Зарождение цивилизации возможно только при условии формирования определенного типа культуры как основания культурной матрицы и соответствующих механизмов ее взаимодействия с цивилизационными структурами. Таким образом, причины, детерминирующие вариативность развития и пределы жизнеспособности цивилизации, необходимо искать в истоках зарождения и особенностях функционирования, и взаимодействии ее элементов.

Обращение к анализу содержания такого понятия как «культурно-исторический тип» позволит выявить причины и факторы, обуславливающие возможность/невозможность перехода социальной системы, к цивилизационному этапу развития. Именно в рамках культурно-исторического типа начинают формироваться и проявляться свойства, способствующие/препятствующие образованию цивилизационной общности.

Понятие «культурно-исторический тип» было введено Н.Я. Данилевским как определение доцивилизационной структуры [1]. Условно эволюционный цикл культурно-исторического типа можно разделить на три

этапа: первый этап – формирование культуры и ранних форм протогосударственных структур; второй этап – развитие культуры и формирование государственных структур; третий переходный этап – начало оформления культуры как культурной матрицы и формирование институционального механизма транспонирования результатов ее деятельности в общественно-политическую практику.

Заметим, что уже на этапе преобразования ранних форм социальной организации и переходу к этапу государственного строительства, проявляется вариативность развития: далеко не все социальные структуры могут стать основанием для развития института государства. Более того, институт государства, уже сформировавшись, может через некоторое время разрушиться, и социальная система вновь перейдет к догосударственным структурам. Процесс перехода от ранних догосударственных форм к государству носит сложный, неоднозначный и далеко не всегда линейный характер. Социальные системы, не обладающие ресурсами для перехода на новый уровень социальной организации, либо при благоприятных внешних условиях надолго застывают в своих архаических формах, либо, по различным причинам, разрушаются. Ряд других социальных структур, содержащие в себе потенциал для дальнейшего развития, благополучно переходят на этап государственного строительства и в дальнейшем могут стать основанием для формирования цивилизации. На завершающем этапе культурно-исторического типа это наиболее ярко проявляется в многообразии сценариев дальнейшего развития социальных систем:

- социальная система определенного исторического периода продолжает существовать в форме локального государственного образования и далее разрушается либо под натиском соседей, либо по причинам внутренних противоречий;

- государство становится частью внешней цивилизационной общности (формы и причины присоединения могут быть различны), процесс сопровождается трансформацией аксиологических оснований культуры – она приобретает новые свойства, характерные для культурной матрицы цивилизации-завоевателя;

- государства, не обладающие необходимыми ресурсами для перехода на цивилизационный уровень, но достаточными для сохранения суверенитета, образуют межцивилизационное пространство, границы которого весьма условны и подвижны;

- и наконец, – государства, аккумулирующие ресурсы для перехода на этап цивилизационного строительства.

Предметом исследовательского интереса в данном случае, являются социальные системы последнего типа, а также причины и факторы, обуславливающие: а) переход на цивилизационный уровень развития государственных образований; б) высокий уровень адаптивности к изменяющейся среде современных цивилизаций.

Анализ причин и факторов, обуславливающих возможность/невозможность перехода социальных систем к цивилизационному этапу развития, внесет некоторую ясность в понимании пределов их жизнеспособности. Поэтому важное значение в исследовании жизнеспособности цивилизации имеют факторы, детерминирующие ее становление как качественно нового уровня социальной организации.

Во многих современных концепциях главенствующее значение в объяснении генезиса цивилизаций придается теории среды, представленной школой Гиппократ в V в. до н.э. в трактате «О воздухах, водах и местностях». Но, несмотря на столь преклонный возраст, она до сих пор востребована и воспроизводится в различных интерпретациях. Суть ее сводится к следующему: сходство естественных условий определяет и сходство социального существования. Однако рассмотрение природно-климатического фактора как основного, правомерно для исследования традиционных сообществ, но недостаточно и не столь важно для исследования цивилизации. На этом этапе проявляются уже более значимые факторы, детерминирующие развитие сложноорганизованных социальных систем. Наряду с такими факторами как природно-климатический, тип общественно-производственной технологии, особое значение приобретают особенности культуры и ментальности, которые в дальнейшем станут определяющими факторами жизнеспособности цивилизации.

В этой связи можно условно выделить два типа социальных систем: первый тип – социальные системы, завершающие свой эволюционный цикл в рамках доцивилизационных структур, и второй тип – социальные системы, на основе которых формируется цивилизация.

Принципиальное отличие социумов, не ставших основой для развития цивилизаций, состоит в том, что здесь формируется и закрепляется экстенсивный тип технологии, ориентированный на воспроизводство в том же объеме, и в том же, качестве. Индивид, ориентированный на абсолютную неизменность бытия, воспринимает социально-культурный ресурс как абсолютно необходимый и абсолютно достаточный, что находит свое отражение в сложившихся традициях и нормативно-ценностной системе. Социально-культурный ресурс – это некоторая постоянная величина, гарантирующая устойчивое воспроизводство социокультурного организма в том качественном состоянии, которое соответствует первоначальному уровню. Можно резюмировать, что отличие социальных систем, не ставших основой для формирования цивилизации, состоит в том, что культура блокирует возможность расширенного воспроизводства и качественного изменения, ориентирована на абсолютную неизменность бытия, поддержание социально-культурного ресурса в его неизменном виде и отторгает любую попытку изменения устоявшихся норм и традиций. Такие установки, закрепленные в нормативно-ценностной системе, воспроизводят модели поведения и технологии освоения мира, формируя особый тип менталитета.

Во второй модели социальных систем, напротив, наблюдается иное отношение к воспроизводству. Социум формирует новые механизмы освоения жизненного пространства, нацеленные на воздействие и преобразование окружающей природы и общества. Культура не просто формирует новые стереотипы поведения, ставшие нормой для всего общества, но и выстраивает свои целевые установки с возможностью использования ресурсов внешней среды. Речь идет не об одноразовом напряжении культуры, а выработке определенного мировоззрения, рассматривающего новацию и расширение как естественный и необходимый атрибут общественно-политической практики. Здесь наблюдается не только дальнейшее развитие государственности, интенсивное развитие производства, формирование новых механизмов расширенного воспроизводства и освоения окружающей среды, но главное, – происходит закрепление культурными нормами стереотипов поведения, направленных на активную преобразовательную деятельность как общественной нормы.

«Цивилизационный переход» характеризуется окончательным отходом общества от ориентации на экстенсивные технологии, принятием интенсивного воспроизводства как главного и определяющего, и сопряжен с этапом трансформации культуры в культурную матрицу, приобретающую новые свойства. Если задача этнической или национальной культуры – формирование нормативной системы как основания общественно-практической деятельности и создание ценностных смыслов, определяющих жизненные векторы социальной общности, то задача цивилизационной культурной матрицы значительно сложнее. Здесь целевой установкой является не просто объединения культур с их разными смысловыми текстами, своей картиной мира и различия «своего-чужого», но прежде всего, создание новой интегрирующей платформы на основе более объемных по содержанию ценностных систем, не противоречащих отдельным локальным культурным образованиям, входящим в эту цивилизацию. Культурная матрица формирует систему ценностных духовных и общественных ориентиров, являющихся той цементирующей основой, которая дает возможность определить цивилизацию как некую целостность. Политическая система, производственные технологии, система общественных ценностей и идеалов определяется своеобразием культурной матрицы. Цивилизация посредством технологий конструирует материальное воплощение результатов деятельности культуры (технологии рассматриваются здесь как понятие, отражающее не только материальное производство, но и всю область человеческой деятельности).

Итак, можно сказать, что у всех социальных систем, прошедших первоначальный этап цивилизационного становления, есть ряд общих характеристик – ориентация на расширенное воспроизводство, закрепление ее в общественных нормах и традициях и формирование культурной матрицы, как интегрирующего основания цивилизационной целостности.

А далее, эволюция мирового цивилизационного процесса продемонстрировала широкую вариативность «вызовов-ответов» и различных уровней и пределы жизнеспособности цивилизаций. Жизнь некоторых цивилизаций, как яркая комета в истории человечества и измеряется всего лишь несколькими столетиями, другие развиваются на протяжении нескольких тысяч лет и успешно адаптируются к вызовам современной внешней среды.

Цивилизация, как уже отмечалось выше, это не только единое территориальное пространство, но прежде всего, общие социальные и духовные установки, принципы, идеалы, выражающие конкретный способ осмысления бытия, формируемые и транспонируемые культурной матрицей. В процессе своего исторического развития цивилизация сталкивается с утратой ценностных ориентиров и общественно-политических идеалов, однако их разрушение не всегда является признаком распада. Для социальной системы страшно не само по себе разрушение ценностных ориентиров, а неспособность культурной матрицы вновь сформировать систему ценностей и целей. Древние христиане разбивали шедевры античной скульптуры, готы, вандалы сжигали города с великолепными памятниками архитектуры, арабы уничтожали библиотеки в Александрии, закрасили фрески соборов Карфагена, но это нельзя назвать закатом или распадом, это всего лишь болезненная смена ценностных ориентиров, через призму которых рассматривается экзистенциальный смысл и назначение цивилизации. Способность культуры рождения и обновления смыслов, идеалов и целей, интегрирующих общество в единое целое, является одним из наиболее значимых факторов жизнеспособности цивилизации.

Однако задачей культурной матрицы является не только рождение новых целей и идеалов, но и сохранение преемственности с традиционными ценностными смыслами, способность инкорпорирования их в новую систему социально-общественных и политических идеалов, определяющих вектор будущего развития общества. Необходимо заметить, что духовные, религиозные ценностные системы цивилизаций-долгожителей практически мало изменяются, однако система общественно-политических идеалов претерпевает постоянные изменения. Процесс взаимосвязи традиционных духовно-ценностных ориентиров и системы социально-общественных и политических идеалов носит сложный и противоречивый характер, который может привести как к их полному взаимоотрицанию, так и к их взаимодействию и синтезу. Вновь формируемая система общественно-политических ценностей не должна отторгаться психоэмоциональной установкой менталитета «свои-чужие», что возможно при условии сохранения преемственности. Примером этого является эволюция конфуцианства, которое, с одной стороны, представляется как система неизменных ценностных ориентаций, интегрирующих цивилизационную целостность, а с другой – неоконфуцианство, постконфуцианство, предлагавшие новое прочтение учения в соответствии с изменяющейся политико-исторической ситуацией.

Цивилизация – это не замкнутая локальная общность, а открытая, взаимодействующая с внешней средой, система, воспроизводство которой есть процесс непрерывный и динамичный. В то же время воспроизводство – это не сохранение чего-то данного и статичного, это модернизация, обеспечивающая историческую конкурентоспособность, при условии сохранения ее культурного «генотипа», самобытности и идентичности культурной матрицы. В этой связи, жизнеспособность цивилизации определяет также такой фактор как способность культурной матрицы сохранить цивилизационную идентичность. Кризис цивилизационной идентичности наступает с деформацией и разрушением ментальных основ цивилизации, что может быть связано как с воздействием извне, так и усилением деструктивных процессов внутри самой культурной матрицы. Как отмечает отечественный исследователь И.В. Кондаков: «Кризис цивилизационной идентичности – это историческая болезнь локальной цивилизации из которой та может – при определенном стечении обстоятельств – выйти «окрепшей», восстановившей свой социокультурный «иммунитет», или может и не «оправиться», окончательно растеряв свои конститутивные принципы и продуктивные социальные и культурные формы, т.е. «раствориться» в семантическом поле других цивилизаций и культур, более стойких, жизнеспособных и динамичных».

Функцию сохранности культуры выполняет, так называемый «защитный пояс», как совокупность традиций, социальных норм, ценностных ориентаций, формирующих образ «своего – чужого» и представление о мире в целом. История продемонстрировала различные типы «защитного пояса», среди которых – «жесткий» – блокирующий любые попытки воздействия внешних вызовов на ментальность, «эластичный», обладающий свойством адаптации и ассимиляции других культур, «размытый», утративший способность противостоять внешнему воздействию [2. С. 47]. Именно «защитный пояс», особенности которого формируются на протяжении всего эволюционного цикла цивилизаций, блокирует/не блокирует возможность и степень воздействия внешней среды на менталитет.

Политические технологии воздействия на общественное сознание в условиях глобального информационного общества приобретают особое значение и обладают возможностью разрушения культурной матрицы посредством ее переформатирования, результатом чего цивилизация перестает быть жизнеспособной структурой и теряет потенциал самобытного развития. В современном политическом пространстве активно реализуются технологии внешнего управления, которые, в первую очередь, направлены на трансформацию культуры посредством воздействия на ее аксиологическую составляющую. Речь идет не об уничтожении культуры как таковой, а о купировании ее возможностей создавать новые ценностные смыслы, новые целевые установки развития системы. Технологии ориентированы на переформатирование культурной матрицы реципиента в соответствии с ин-

тересами внешнего актора. При внешней видимости сохранения, культура перестает выполнять свою основную функцию – создание и транспонирование в общественно-политическую практику системы ценностей и общественно-политических идеалов как целей долгосрочного развития системы и ее интегрирующего основания. Социальная система лишается внутреннего импульса развития, вынуждена развиваться в заданном извне формате, культура превращается в реликт, имея прошлое, но, не имея будущего, а менталитет приобретает характеристики маргинальности. Цивилизация, в конечном счете, либо окончательно разрушается, становясь окраиной соседних цивилизаций, либо, теряя свою цивилизационную идентичность, становится носителем реликтовой культуры, что, в конечном счете, также приводит к разрушению.

Еще одним фактором, обеспечивающим жизнеспособность – это сопряженность темпоритмов технологической составляющей цивилизации и культурной матрицы. Для стабильного и динамичного периода цивилизации характерно гармоничное взаимодействие культурной матрицы и социально значимых технологий, однако в кризисный период они вступают в острое противоречие. Решение этого противоречия один из индикаторов жизнеспособности цивилизации. Культура обладает своим темпоритмом, своим «временным кодом», определяющим динамику общественной практики социальной системы, в том числе, и ее технологической составляющей. Ускорение технологической динамики внешней среды, диктующей необходимость внутренней модернизации системы, создает ситуацию рассогласования внешних и внутренних темпоритмов. Восприятие и переживание изменения этой динамики, обусловленное особенностями ментальности, внутренним «временным кодом» культурной матрицы, способность к согласованию и корреляции внешних и внутренних темпоритмов, определяет и стратегии ответа на технологические «вызовы» внешней среды.

Как ранее отмечалось, сущностным свойством цивилизации является ее территориальное расширение и использование ресурсов внешней среды, а залогом жизнеспособности – способность создания новых форм и технологий освоения внешнего пространства. Исторически это осуществлялось двумя способами – войны и ассимиляции. Парадокс заключается в том, что война в то же время – причина стагнации и распада цивилизации. Милитаризм на протяжении уже нескольких тысячелетий является наиболее общей и распространенной причиной надломов цивилизаций [4]. Захватнические, пусть даже победоносные войны со временем обессиливают цивилизацию, направляющую свои усилия, в основном, на военное производство и контроль над захваченными территориями. Вовлечение в ареал цивилизации пограничных пространств продуцирует опасность снижения темпов ее развития. Однако, даже в случае успешной ассимиляции другой культуры, вновь образующее социокультурное целое, несет в себе внутреннее напря-

жение. Устойчивое развитие может сменяться нарастанием внутреннего неравновесия, что может привести к нарушению целостности цивилизации. Современные цивилизации, демонстрирующие динамичное и успешное развитие, успешно освоили новые технологии экспансионистского освоения цивилизационного пространства, – геоэкономические войны, стратегии «ползучей экспансии» и «миграционных потоков», «мирового лидерства» и «мягкой силы», которые менее затратны, чем прямые военные действия, но более эффективны.

Если вести речь о параметрах и пределах жизнеспособности и устойчивости цивилизации как социального организма, то их необходимо искать в системе ценностных ориентаций, пронизывающих весь уклад общественной системы и трансформирующихся в осознанные или неосознанные психологические установки людей. Можно сказать, что фактором, обеспечивающим устойчивость и жизнеспособность социальной системы, является, с одной стороны, способность культуры сохранять свою систему ценностных ориентаций, духовных ориентиров, а с другой – способность к трансформации в условиях меняющегося мира и продуцировании системы новых общественно-политических идеалов.

В условиях глобализации и усиления различных форм взаимодействия, задача культурной матрицы не только сохранить идентичность цивилизации, рассматривая универсальные общечеловеческие ценности как составляющую своей ценностной системы и инструмент диалога цивилизаций, но и представить картину развития будущего мирового цивилизационного пространства. Цивилизация в условиях современного динамично изменяющегося мира, только тогда остается действующей и жизнеспособной, если может предложить цели и ориентиры глобальной цивилизации в целом, определить свою роль в процессе становящегося миропорядка и ориентиры сохранения/расширения своего цивилизационного ареала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
2. Карадже Т.В. Тенденции мирового цивилизационного процесса. М.: ГПИТС, 1996.
3. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5.
4. Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2021.
6. Шпенглер О. Причинность и судьба. Закат Европы // ACADEMIA. С.-Петербург, 1923.

T.V. KARADZHE
*Doctor of Philosophy, Head of the
Department of Political Science Moscow State
Pedagogical University, Moscow, Russia*

IN SEARCH OF CRITERIA FOR THE VIABILITY OF CIVILIZATION: A METHODOLOGICAL ASPECT

The article notes that in the modern world there is an increasing role of civilizations as subjects of world politics in the restructuring of the world political space, which has exacerbated the importance of research on the problem of the civilizational world order. In this regard, the author attempts to consider the factors that ensure the viability and possibility of transformation of civilizations in changing historical conditions. Turning to the analysis of the genesis and evolution of socio-cultural systems that have become the basis of a qualitatively new social community - civilization, the author examines the special properties of the cultural matrix that determines the viability of civilization.

Key words: *civilization, culture, cultural and historical type, cultural matrix, crisis, viability.*

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Целью данной статьи выступает анализ основных способов формирования имиджа политиков. Учитывая сложность и многоуровневый характер современных СМИ, в статье рассматривается важность СМИ как инструмента общественного влияния, которые формируют позитивное или негативное отношение к политическим лидерам и воздействуют на получателей информации идеологически, культурно и политически. Исследования показали, что именно средства массовой информации задают определенные, иногда стереотипные, модели политической реальности и социального поведения.

Ключевые слова: *политический лидер, формирование имиджа, имидж, лояльный электорат, авторитет СМИ, позиция СМИ.*

Вопросы о том, как создается, продвигается и используется имидж политических лидеров, безусловно, является актуальной темой.

Очевидно, что общественный имидж стал важным фактором государственной политики. Изображения часто оцениваются как продукт сложной обработки предмета и общественного сознания создателем изображения. Часто этот образ скрывает реальные преимущества лидера перед его оппонентами. Имидж служит для того, чтобы уравновесить непривлекательные сильные стороны политика и подчеркнуть положительные. С этой точки зрения, имидж – это искусственный продукт, не основанный на фактах, созданный для привлечения все большего и большего числа сторонников.

Когда политики вступают в контакт с представителями социума, различными социальными классами и группами, это достаточно редко происходит непосредственно через личные отношения. Для них важна не прямая коммуникация. Не прямой контакт в форме взаимодействия осуществляется посредством сообщения через СМИ, именно на них ложится нагрузка поддержания и развития важных механизмов поддержания и усиления имиджа политика. В политике мы говорим об имидже человека, а не о его физиче-

ском облике. Этот образ – который впоследствии может надстраиваться – результат коммуникации между политиками и их аудиторией.

Имидж политических лидеров не может быть улучшен без серьезного и решительного взаимодействия со СМИ. СМИ – это систематическое, за плату, либо без нее, распространение политической информации среди разнообразной и рассредоточенной аудитории с главной целью укрепления идеологических ценностей общества и его доминирующих групп и влияния на получателей информации комплекса, например, в идеологическом, культурном и политическом плане. В результате научно-технической революции, информатизации и цифровизации средства массовой информации вошли практически в каждую семью и продолжают оказывать влияние на всех членов общества.

Типичные социально-политические функции СМИ включают предоставление обществу определенных видов политической информации, распространение информации для различных политических целей, различных политических политик и политических процессов, а также процесс злоупотребления – политическое манипулирование информацией. СМИ собирают и распространяют информацию, формируют общественное мнение, легитимируют политические структуры, играют важную роль в оппозиционной политике и являются одним из источников стабильности или дестабилизации в современном обществе.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 14].

Существует множество различных взглядов на роль и место СМИ в обществе. Одни видят в нем инструмент коммерческой и политической конкуренции, другие – средство интеллектуального доминирования, третьи – средство поддержания социального равновесия. Особое внимание уделяется теориям Г.М. Маклюэна, а также А.А. Моли, в которых анализируются СМИ как новая фаза социальной коммуникации. Несомненно, массовые коммуникации играют важную роль в жизни любого общества и оказывают непосредственное и достаточно большое влияние на людей. Однако СМИ не могут сказать людям, что думать, однако в их власти переключение и направление внимания получателей на то, что они должны обдумать. Другими словами, коммуникация не может изменить отношение и поведение людей, но она может повысить их интерес и понимание.

Имидж политика должен учитывать мнение СМИ. На ранней стадии выбирается канал связи. Именно СМИ с заранее сформированной аудиторией и лояльными последователями передают имидж политика во всех деталях. Таким образом, доверие к СМИ, которое оказывает на аудиторию при трансляции медиапродукции, может оказать определенное необходимое положительное или отрицательное влияние на восприятие сообщения, в данном

случае направленного на формирование имиджа политического лидера. В этом контексте специалистам по связям с общественностью необходимо создать имидж с рядом параметров, который был бы гибким и чутко реагировал на политическую обстановку [12].

Одним из компонентов имиджа является то, что СМИ говорят о том или ином политическом деятеле.

В ряде исследований О. Кудинов предложил собственный метод построения образа своего произведения, который состоит из трех компонентов.

Пассивный образ. Этот образ строится на основе основных предпочтений целевого потребителя. Прежде чем его создать, мы рассматриваем характеристики, которыми должен обладать, в глазах социума, идеальный политик или в глазах большинства избирателей. На этом основании, идеальный образ строится на основе этих качеств. Этот «рекламный прием» часто используется в отношении малоизвестных политиков.

Это образ кампании. Цель – не создать образ, а сделать существующий более привлекательным для избирателей в конкретном округе. Этот метод часто используется для улучшения имиджа известных политиков.

Это моментальный снимок. Затем сложившийся образ политика модифицируется в соответствии с преобладающими стереотипами, сохраняя при этом основные элементы имиджа кандидата. На самом деле это наиболее часто используемый метод [3].

В обоих методах неизбежно участвуют СМИ, служащие каналом связи с избирателями и передающие идеи политических лидеров.

Г. Почепцов считает, что наиболее важными аспектами изображений являются функциональность и управляемость. Он также определяет компетентность, цель и потребности аудитории как основные доминирующие характеристики управления имиджем [8].

Традиционно, как теоретиками, так и практиками массовая коммуникация рассматривается как медиакоммуникация, поскольку прямая коммуникация (непосредственный контакт между говорящим и слушающим) имеет большую аудиторию, но это не массовая коммуникация. Данное положение разъясняет, почему из двух основных функций медиакоммуникации – взаимодействия и влияния – влияние является наиболее важной.

Другой отечественный исследователь, в своих монографиях и многочисленных статьях, С.Ф. Лисовский, рассматривает влияние СМИ на имидж политиков. С.Ф. Лисовский отмечает, что политические предпочтения избирателей редко основываются на исчерпывающем изучении политических партий или предвыборных программ. Скорее, на суждения людей влияют впечатления от политиков, которых они видят по телевизору. Недавнее исследование, проведенное национальными социологами, пришло к выводу, что сам факт появления лидера на телевидении придает ему вес и авторитет. Это связано с тем, что именно телевидение дает определенный, иногда

стереотипный, образ политической реальности и сопутствующего ему социального поведения [4].

Появление этого политика на телевидении дает избирателям приблизительную оценку его имиджа, деталей и целостности его внешнего вида, его ораторских способностей, его отношения и поведения. Красноречие политика является основополагающим фактором для завоевания избирателей.

СМИ имеют многослойную структуру.

Первый слой представлен электронными и печатными СМИ, которые вместе образуют единое информационное поле – пространство.

Второй слой состоит из печатных и электронных СМИ, к ним относятся коммерческие издания, теле- и радиостанции, охватывающие федеральную, а также межрегиональную территории. В эту категорию входят СМИ, которые имеют выход в регионы, но не выступают в качестве национальных по охвату аудитории.

Структура СМИ включает в себя местные электронные, печатные, интернет, мультимедийные и смешанные медиа каналы.

Средства массовой информации являются наиболее эффективным средством создания имиджа. По оценке ряда исследователей, влияние СМИ схоже с влиянием внушения.

Технические возможности современного телевидения заключено в умении проецировать положительный образ лидера, аутентичность телепередач, создающая иллюзию участия, интимная, доверительная, пропитанная эмпатией атмосфера, окружающая диалог между политиками и общественностью, – все эти факторы могут придать телевизионным выступлениям более глубокое эмоциональное содержание, чем радио или выпуски новостей. Необходимо отметить, что телевидение неустанно выявляет отклонения от сложившегося образа главного героя, ошибки имиджмейкера, противоречия в, казалось бы, запланированных стратегиях.

В отличие от других СМИ, телевидение зрелищно, оно способно передавать физические действия, что делает элементы невербальной коммуникации, к которой относятся как мимика, так и жесты, очень важными.

По мнению целого ряда современных исследователей, для политиков на телевидении важно доносить свое мнение в искусственно преувеличенном виде. Для этого они должны заставить зрителей почувствовать, что они получили что-то ценное в обмен на то, что потратили свое время на их просмотр. Основными параметрами политической речи являются полнота, уместность и содержание. Полнота политической речи означает, что ее содержание соответствует образу, который представляет политик.

Уместность требует чувства ответственности за сказанное и способности политиков выражать свои мысли в новых терминах. Это создает у общественности впечатление серьезности и достоверности и позволяет почувствовать себя частью происходящего. Содержание политической речи

включает в себя смысл сказанного. Речи, которые не очень информативны, быстро забываются и не оставляют впечатления в памяти людей.

Телевизионные выступления могут быть достаточно продолжительными по времени и позволяют зрителям составить собственное, более полное представление о политиках, оценить их внешний вид, поведение и ораторское мастерство, дать зрителям представление об их взглядах и самим кандидатам возможность продемонстрировать свои ораторские способности, завоевать доверие избирателей здесь и сейчас, использовать различные рекламные инструменты и так далее.

Форма и эмоциональный тон речи политика очень важны, если не самые важные. Воздействие речи в существенной степени зависит от силы убеждения, харизма важнее, чем сила высказанных тезисов. Эффективность убеждения во многом зависит от красноречия и личных качеств лидера.

Телевидение обладает еще одной уникальной способностью изображать политиков в конструктивном или корректирующем ключе в соответствии с политическими, социальными и политическими повестками дня. Определенные методы съемки могут быть использованы для передачи поведения кандидатов по отношению к воспринимающим информацию зрителям и тем, кто непосредственно находится в студии, и для создания необходимого тона для восприятия зрителями поведения кандидатов, когда они находятся лицом к лицу с другими людьми.

Качества телевидения и радио как медиаканалов активно используются для осуществления необходимого воздействия на большие аудитории. По сравнению, например, с чтением, телевизионные и радиосообщения требуют от воспринимающей стороны меньше усилий по восприятию. Данный тезис подтверждают исследования, проведенные в нескольких странах, которые постоянно показывают, что общественность воспринимает телевидение как наиболее объективное и информативное.

Анализ роли СМИ в формировании и поддержании политического процесса приводит к целому ряду выводов. Без современных технологий, телевидения и других СМИ ни одна общественно-политическая группа (институт) не сможет добиться значительного успеха в публичной политике. Ни один кандидат в законодательный орган или во власть или правительство не имеет серьезных шансов быть избранным, не умея пользоваться средствами массовой информации, особенно телевидением.

Наконец, мы хотели бы подвести итог нашему анализу роли СМИ в создании и последующем формировании имиджа политических фигур и лидеров. На основании исследования мы пришли к целому ряду выводов. Ни один политик не сможет добиться значимого успеха и не станет публичным и узнаваемым без поддержки и технологических ресурсов СМИ и прочих информационных платформ. В этой связи П. Шампань считает, что СМИ оказывают значительное влияние на широкую общественность и

ее восприятие окружающей действительности имеет определенное значение и влияние. Он утверждает, что эти проявления раскрываются в деталях деятельности журналистов, которые в процессе исполнения журналистских обязанностей, интерпретируют события, генерируют необходимый контент и продвигают необходимую информацию в массы, силой слова, тем самым навязывая свои взгляды и мировоззрение массам, зрителям или читателям. СМИ создают этот эффект посредством воздействия массовой коммуникации и транслируемых образов на общественность [13].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алехина О.А., Уколова Л.Е.* Международные специальные события как инструмент создания позитивного имиджа отечественной гражданской авиации (на примере авиационной компании «Аэрофлот – российские авиалинии») // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 7 (71).

2. *Белякова Т.М.* Технологии формирования имиджа современной Русской православной церкви // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 6 (70).

3. *Кудинов О.П., Шипилов Г.А.* Диалектика выборов. ЗАО ПО «МАСТЕР», 1997.

4. *Лисовский С.Ф.* Политическая реклама. М., 2000.

5. *Медведева Н.Н.* Стратегические направления формирования внешнеполитического имиджа Российской Федерации в контексте развития отношений с Евросоюзом // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 4 (30).

6. *Меньшикова Е.О.* Современные подходы к исследованию политического лидерства в отечественной политической науке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 5 (74).

7. *Мехдиева У.М.* Имидж политического лидера в контексте истории (на примере Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 2 (66).

8. *Почепцов Г.Г.* Имиджелогия. М.: Рефл-бук., 2006.

9. *Слизовский Д.Е.* Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев: внушивший доверие? (Рецензия на статью Улькер Мустафа кызы Мехдиевой «Имидж политического лидера в контексте истории (на примере Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева)») // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 3 (67).

10. *Сулейманова Ш.С.* Политическая коммуникация в современном мире: роль и влияние // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 6 (75).

11. *Сыздыкова Ж.С.* Талибы: новый имидж со старым содержанием // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 8 (72).

12. *Трубецкой А.Ю.* Категория репутации в социально-политической коммуникации: Автореферат дисс... доктора психол. наук. М., 2006.

13. Шампань П. Двойная зависимость. Несколько замечаний по поводу соотношений между полями политики, экономики и журналистики // Socio-Logos'96. М., 1996.

14. Шевченко Е.С., Попов С.И., Шуленина Н.В. Конструирование политического образа Д. Трампа авторитетными американскими медиаисточниками: к вопросу формулирования инструментария // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 8 (72).

ASSI ABED EL RAHIM

*Postgraduate student of the Department
of Political Science regional studies of the North Ossetian
state University, Vladikavkaz, Russia*

THE ROLE OF THE MEDIA IN SHAPING THE IMAGE OF A POLITICAL LEADER

The purpose of this article is to analyze the main approaches, which form the image of a political leader. The role of the media as an agent of influence on the audience, which forms a positive or a negative attitude towards a political leader, has ideological, cultural and political impact on recipient's information, and also considers the complexity and multi-level of its structures.

According to the research results, it is the media in many ways that imposes a certain, sometimes stereotyped, model of vision of political reality and a special type of social behavior.

Key words: *political leader, image formation, image, loyal electorate, media authority, media position.*

доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток

бакалавр кафедры международных отношений
и права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток

ФИЛОСОФИЯ КОНФУЦИАНСТВА И ОБЩЕСТВО СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ. ВОСПРИИМЧИВО ЛИ ОБЩЕСТВО К КОНФУЦИАНСТВУ?

В данной статье авторы обратились к актуальной теме, в которой рассматривается проблема особенности культурной цивилизации Китая, где философия конфуцианства играет немаловажную роль в формировании современного китайского общества. В контексте исследуемых вопросов авторы обращают внимание на то обстоятельство, что Россия и Китай уже давно имеют хорошие экономические связи друг с другом, а именно знание культурного прошлого и настоящего страны-партнера очень важно для установления стратегических партнерских отношений. И поэтому рассмотрение теоретических и практических аспектов конфуцианства, как культурного ядра китайской цивилизации, необходимо для понимания политики современного Китая.

Ключевые слова: *конфуцианство, Китай, гармония, сяокан, политическое конфуцианство.*

В недавних своих исследованиях многие отечественные и зарубежные ученые-китаеведы отмечают возвращение Китайской Народной Республики к конфуцианству. И действительно, идеи Учителя (Цзы 子) в настоящее время находят отклик не только в человеческих отношениях и культуре в целом, но и в политической идеологии и экономическом курсе современного Китая. Целью данной статьи являются выявление уровня восприимчивости современного китайского общества к философии Конфуция и проявления философского учения в жизнь китайского общества. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть специфику общественных взаи-

моотношений в современном китайском обществе и проявлений конфуцианства во внутренней и внешней политике Китая, а также выражения на практике древней китайской философии в социально-экономической и политической сферах [6. С. 167-180].

Многие ученые в своих исследованиях соглашаются на том, что именно конфуцианский менталитет служит надежным иммунитетом восточного человека, защищающим его от неблагоприятного западного влияния. Являясь ядром древнекитайской культуры, конфуцианская философия стремится к вселенской гармонии, которая, по мнению авторов, находит свое выражение в четырех ценностях: **самореализация, социальная ценность, мировоззренческая ценность и отношение человека к сверхъестественному**. Рассмотрение данных категорий позволит в данной статье подойти к пониманию поставленной исследовательской цели.

Категорию «самореализация» в философии конфуцианства целесообразно рассматривать с точки зрения духовного совершенствования индивида, которая позволит получить искомый исследовательский результат. Как динамично общество переходит от аграрного к промышленному, так и конфуцианство стремительно трансформируется. Сейчас под самореализацией человека понимается освоение каких-либо технологий, знаний, достижения успеха в разных общественных сферах, повышение статуса. Таким образом, человек больше не заинтересован в своем духовном совершенствовании, так как теперь он стремится к материалистическому успеху, используя традиционный конфуцианский метод усердной учебы и старательности. При усилении значения ценности владения особыми навыками самосовершенствование отделяется от этической системы и повышается важность индивидуальных ценностей.

Согласно конфуцианству, семья составляет собственное «я» человека, поэтому семья для китайцев находится как «социальная ценность» в высшей инстанции миропонимания. Потерять семью значит потерять себя. Причиной такой крепкой связи являются внутрисемейные отношения. Родители, не жалея сил, растят и воспитывают своих детей, а дети считают своим долгом также любить и ухаживать за родителями. Когда же какой-либо из членов семьи сталкивается с трудностями, то к нему на помощь приходит вся семья. Отсюда появляется почтительность китайцев не только к родителям, но и к другим людям. Так развиваются гармоничные человеческие отношения. Это то, к чему стремиться конфуцианство.

Одной из основных направлений философии конфуцианства является сохранение иерархии в обществе. Можно соглашаться с данным утверждением или нет. Но истоком идеологической основы философии конфуцианства стало учение о «Мандате Неба», которое было оформлено в период чжоуского вана Шанди. Легитимность правителя приобреталась покровительством бога Шанди, жившего на небе и олицетворявшего небо. Но если

Шанди являлся богом шанцев, а Небо не принадлежало никому, следовательно, именно оно делало легитимной власть того или иного правителя. Только добродетельный, мудрый и справедливый правитель мог получить от Неба Мандат на власть в Поднебесной. Небо превратилось в абстрактный символ всего божественного. Этический аспект взаимоотношений человека с предками и Небом отражало понятие дэ, которое положило утверждение о неотделимости человека и природы и ставшее одним из ключевых направлений конфуцианской философии. Дэ как сакральную добродетель, харизму и благодать можно накапливать и утрачивать. В этом и заключается «мировоззренческая ценность» конфуцианства. Фактически в китайской истории не было формальной науки, в результате китайцы воспринимают знания как инструмент повышения социального положения.

Если в основных мировых религиях есть Бог, как Создатель, то «Мандат Неба» не дает ответа на вопрос об источнике создания вселенной и, тем более, не имеет абсолютной власти над людьми. Хотя конфуцианство не отрицает высших сил, но исследование их не является задачей учения. Считается, что человек должен быть подвластен морали и практиковать гуманность и ритуал. В этом – ключевое отличие философии конфуцианства от мировых религиозных учений, где «отношение человека к сверхъестественному» является одним из основных постулатов. Однако в процессе модернизации в Китае и других странах с конфуцианской культурой произошло успешное внедрение западной системы новейших научных технологий и систем управления. Произошло гармоничное сочетание западных и традиционных ценностей. Таким образом, появилась новая устойчивая ценностная система – неоконфуцианство [7. С. 69-74].

Итак, обратив внимание на основные конфуцианские ценности, авторы статьи полагают, что это дает основание приступить к рассмотрению конфуцианства в общественно-политической практике Китая.

В настоящее время политическое руководство КНР для того, чтобы сохранить гармонию, культуру и национальность, возрождает силу конфуцианства во всех сферах общественной жизни. Авторы полагают, что одной из ключевых направлений сознательной политики Китая по распространению конфуцианской философии является сохранить баланс сил в обществе при рыночной экономике. Этому служит миссия КПК в осуществлении программы «великой китайской мечты». Суть, которой – возрождение национального величия и построение «общества средней зажиточности» [8. С. 80].

Китайское руководство в 1980-х годах поставило перед собой цель построить общество «Сяокан» (小康) или «общество малого благоденствия». По описанию из одного из главных канонов конфуцианства – трактата «Ли цзи» («Книга обрядов») четко видно, что концепция «Сяокан» основывается на конфуцианстве. Так, для «общества малого благоденствия» характерно наличие таких качеств как человеколюбие, мораль, справедливость.

Характеризуется «Сяокан» гармонией в обществе, ускоренным развитием экономики, науки, образования, процветающей культурой. Как показывает время, данная концепция является действенной в реалиях современного Китая. С 80-х годов прошлого века Китаю удалось покончить с нехваткой продовольствия и увеличить в несколько раз ВВП, а к началу 2000-х добиться уровня всеобщего благосостояния населения [5. С. 52]. И снова в 2007 году на XVII съезде ЦК КПК призвала граждан к борьбе за полную победу построения общества среднего достатка. Следовательно, мы все стали свидетелями того, как ведется эта борьба. В 2021 году председатель КНР Си Цзиньпин заявил о полной победе Китая над нищетой, назвав это «историческим чудом». Многими экспертами «Сяокан» рассматривается как принятая руководством длительная программа во всех областях общества, которая в перспективе приведет Китай к «обществу великого единения» (да тун 大同), то есть, общество с царящей гармонией. Характерно, что данную концепцию разработал философ-неоконфуцианец, реформатор Кан Ювей (1868-1927) [1. С. 267].

С конца прошлого и начала нынешнего века наиболее заметным является «поворот» Китая к многовековому духовному наследию страны. Например, в своем выступлении перед студентами Пекинского университета, посвященному распространению основных ценностей социализма, Си Цзиньпин многократно цитировал и ссылался на конфуцианский «Лунь юй», на Лаоцзы и многих других древних китайских мудрецов. Си в своей речи также ссылался на военных и государственных деятелей древних времен расцвета Поднебесной.

В связи с акцентом партии на китайскую специфику социализма обращение к культурному наследию довольно естественно для Китая, что является вполне природным и разумным. Этот идеологический поворот в сторону философских традиций следует из того, что в партийной среде, де-факто, запрещены обсуждения высшей фазы социализма. Есть несколько объяснений этому. Самое распространенное толкование гласит о том, что насущные проблемы Китая стоят слишком остро, поэтому сперва следует решить их, перед тем как строить долгосрочные планы. Никому также не хочется повторять коммунистические эксперименты периода Мао Цзедуна, культ, которого продолжает официально действовать. И поэтому руководство КПК, чтобы предотвратить разлад в партийных рядах, обходит подобные политические темы.

Часть профессуры ведущих китайских университетов разделяют мнение о том, что партийные круги и ученые с трудом верят в политическое будущее Китая под руководством марксизма, так как эта идеология дискредитировала саму себя настолько, что почти полностью утратила свою легитимность в обществе. У коммунистической партии также есть опасения насчет потери власти и порядка в обществе при следовании марксизма. Пример

тому – полная утрата лидерства КПСС и распад Советского Союза. И эту духовную пустоту, порожденную упадком веры в коммунизм, стремятся заполнить всевозможные секты и довольно экстремальные формы национализма. Именно поэтому политическая элита все чаще и чаще обращается к китайской классической философии и в особенности к учениям Конфуция.

В итоге это все приводит китайское общество к политическому конфуцианству как государственной идеологии. Огромный вклад в изучение происхождения политического конфуцианства вложил ведущий ученый Китая по изучению неоконфуцианства Цзян Цин. Он призывает к возвращению конфуцианства как государственной идеологии. Цзян Цин также отмечает, что западная демократия по своей природе не совершенна и неприменима к Китаю. Трудно не согласиться с ученым. В демократиях коллективного Запада на протяжении многих лет существуют такие понятия, как закон, толерантность, гражданское общество, которые являются хорошим плацдармом для управления. В Китае же ничего подобного нет, и демократия, художественно выражаясь, упала «как снег на голову» Китаю. Цзян Цин предлагает свою систему тройного представительства, которая выражена институтами религии, традиции и народной воли. Набор членов во все эти институты будет осуществляться путем избирания на основе рекомендаций мудрейших в семьях и прохождения конфуцианских экзаменов. При такой системе компартия Китая сможет выражать интересы широких слоев трудового населения. Цзян указывает, что такая система позволила бы избежать многих ошибок прошлого [4. С. 74-78].

Многие представители научной общественности считают, что политическое конфуцианство, направленное на решение разных проблем в политической и социальной сферах в Китае, также является альтернативой демократическому движению, предлагая легитимное управление, полностью основанное на системе голосования. Во некоторых китайских научных журналах, например, «China in perspective» («Китай в перспективе»), эксперты публикуют свои статьи, в которых размышляют на тему того, какие проблемы подвластны решению при помощи конфуцианства. Так вот, эксперты уточняют, что конфуцианские традиции могут в перспективе стать национальным учением и тем самым решить современные религиозные проблемы. По мнению многих конфуцианство сможет преобразить, скорректировать учение Маркса. В своем же великом труде «Политика мудрецов» Цзян Цин заключил, что Китай будет развиваться по имперскому пути, так как в Китае веками существовала монархия, система которой поспособствовала когда-то стать конфуцианству государственной идеологией [2. С. 132-133].

В вопросах морали на культурном уровне учение Конфуция призывает сохранить и обезопасить от вестернизации самобытную культуру Поднебесной. Конфуцианская культура, что примечательно, помогает Китаю в глобальном расширении. Так как она может снизить градус страха перед коммунистической идеологией в международных отношениях.

В марте 2011 года на площади Тяньаньмэнь символически была поставлена статуя Конфуция. И это тоже является доказательством того, что в Китае постепенно замещается идеология Маркса на конфуцианское учение. Примечательно, что многие китайские СМИ заявляют, что открытие статуи Конфуция стало причиной переноса государственного визита Ху Цзиньтао в Соединенные Штаты Америки. Эти же СМИ писали, что главной целью визита Ху Цзиньтао было показать, насколько абсурден страх коллективного Запада перед коммунистическим режимом КНР.

Самым ярким примером внедрения конфуцианского учения в мировом масштабе является открытие по всему миру в начале 2000-х на базе высших учебных заведений институтов Конфуция. На 2019 год уже в 162 странах и регионах мира работает 550 институтов Конфуция и 1172 школ и классов Конфуция [3]. Открытие таких «центров Конфуция» является наглядным примером политики «мягкой силы», которую Китай проводит, чтобы распространить по всему миру знания о Китае, его языке и повысить лояльность к нему.

Таким образом, изучив и проанализировав уровни проникновения конфуцианского учения в общественные сферы Китая, можно уверенно сказать, что, действительно, общество восприимчиво к конфуцианству, так как древнее философское учение за все свое многовековое существование уже стало неотделимой частью менталитета китайской цивилизации. А главный секрет долговечности конфуцианства в том, что оно не статично, оно постоянно совершенствуется и обогащается политическим и социальным опытом последующих поколений. Так что можно уверенно предположить, что конфуцианство будет оставаться актуальным и в будущем

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Антомонова Ю.А. Трансформация понятия «гармония» в истории конфуцианства // Вестник университета. 2012. № 10.
2. Бояркина А.В. Идеи конфуцианства в государственной идеологии КНР // Россия и АТР. 2011. № 4 (74).
3. В мире работает 550 институтов Конфуция / Е. Тимошенко // РИА Новости. 10 декабря 2019 // <https://ria.ru/20191210/1562217842.html>.
4. Гордон А.В. Трансформация конфуцианства в национальную религию современного Китая: взгляды Цзян Цина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2019. № 1.
5. Лян Цзянь. Пути оптимизации всестороннего построения общества Сяокан в современном Китае // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. ISSN 2686-9365.
6. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй / пер. с кит. Л.С. Переломов. Москва: Восточная литература, 2001.

7. Цзин Ван, Санжаева Р.Д., Монсонова А.Р. Психология конфуцианства как фактор стабильности ценностных ориентаций в китайской культуре // Психология в экономике и управлении. 2010. № 1.

8. Чжао Фэнцай. Возрождение конфуцианства в современной культуре Китая // Система ценностей современного общества. 2010. № 10-1.

A.A. TUSHKOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of International Relations and Law,
Vladivostok State University of Economics
and Service, Vladivostok, Russia*

A.P. ALEKHINA

*Bachelor of the Vladivostok State
University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

THE PHILOSOPHY OF CONFUCIANISM AND THE SOCIETY OF MODERN CHINA. IS SOCIETY RECEPTIVE TO CONFUCIANISM?

In this article, the authors referred to an urgent topic, which examines the problem of the peculiarities of the cultural civilization of China, where the philosophy of Confucianism plays an important role in the formation of modern Chinese society. In the context of the issues under study, the authors draw attention to the fact that Russia and China have long had good economic ties with each other. And namely knowledge of the cultural past and present of the partner country is very important for establishing strategic partnership relations. Therefore, the consideration of the theoretical and practical aspects of Confucianism as the cultural core of Chinese civilization is necessary for understanding the politics of modern China.

Key words: *Confucianism, China, harmony, Xiaokang, political Confucianism.*

DOI 10.35775/PSI.2021.39.5.004

УДК 327

О.В. ДУБРОВИНА

*доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политологии и
политического управления РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

А.Ш. ДУБИНА

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры экономической теории и
международных отношений Пензенского
государственного университета,
Россия, г. Пенза*

Л.В. РОЖКОВА

*доктор социологических наук,
заведующий кафедры экономической теории и
международных отношений Пензенского
государственного университета,
Россия, г. Пенза*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Евразийский экономический союз представляется международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. Он учрежден Договором о ЕАЭС, который вступил в силу 01.01.2015. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Актуальность работы заключается в том, что сегодня ЕАЭС – это одно из самых перспективных объединений на евразийском пространстве. Кроме того, ЕАЭС обладает большим потенциалом к дальнейшему расширению и развитию. ЕАЭС является молодым объединением, он действует всего 6 лет. Но за это время ему удалось добиться определенных успехов, как внутри самого ЕАЭС, так и на международной арене.

Цель статьи состоит в изучении тенденций и перспектив развития интеграции в рамках Евразийского экономического союза и Европейского союза на современном этапе.

В статье описаны перспективные направления развития и евразийского экономического союза со странами еврозоны, проанализированы пер-

спективы расширения международного сотрудничества ЕАЭС, а также способности сопряжения различных интеграционных форматов с участием России. Ввиду того, что сегодня евразийский экономический союз признан относительно молодым, но прогрессирующим интеграционным объединением на территории большой Евразии.

Также представлены признаки координации торговли услугами и инвестиционной активности на территории внутреннего рынка интеграционного объединения. Описаны особенности формирования евразийской интеграции в отличие от западноевропейской, действующей в пределах Европейского союза. Проведен анализ влияния современных глобальных вызовов и геополитической напряженности на риски в развитии интеграционного процесса и методов их минимизации.

Ключевые слова: *интеграция, глобальное регулирование, международные отношения, международные экономические организации, ЕАЭС, ЕС, ШОС АСЕАН, МЕРКОСУР.*

Фундамент образования ЕАЭС был заложен еще в 1994 г. На характер возникновения ЕАЭС повлияли экономические, политические и социальные предпосылки. Сам ЕАЭС был основан на базе ЕврАзЭС.

ЕАЭС по праву можно считать новой ступенью в истории интеграции на евразийском пространстве. За 6 лет работы ЕАЭС сумел занять устойчивое положение на международной арене. Кроме того, многие государства, международные организации и региональные объединения проявляют интерес к ЕАЭС. Определенно союз имеет тенденцию к расширению.

Одним из направлений развития интеграции является сотрудничество с Европейским союзом.

Отношения ЕС и стран постсоветского пространства имеют свою историю. ЕС всегда вел активную политику в восточном векторе, как правило, отношения строились на двусторонних соглашениях о партнерстве и сотрудничестве. В середине 1990-х гг. ЕС и членами ЕАЭС были подписаны такие двусторонние соглашения. М.Л. Лагутина отмечает, что на сегодняшний день отношения между Россией и ЕС хоть и продолжают развиваться, но назвать их партнерскими в полной мере мы не можем [5. С. 26]. Такие страны, как Казахстан и Беларусь, являются сторонниками многовекторной политики, то есть они поддерживают двустороннее сотрудничество с ЕС, но отдают приоритет евразийской интеграции. Что может способствовать развитию отношений в рамках ЕС и ЕАЭС. Сотрудничество ЕС с Киргизией и Арменией основано на грантовой поддержке от Европы.

Одним из направлений развития интеграции является сотрудничество с Европейским союзом. ЕС представляет собой объединение 27 европейских государств. ЕС был создан в 1992 г. Маастрихтским договором. Общая информация о данном объединении представлена в таблице 1.

Общая информация ЕС и ЕАЭС [составлено автором]

	ЕС	ЕАЭС
Состав	27 государств: Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция, Эстония	5 государств: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия
Политические центры	Брюссель, Люксембург, Страсбург	Алма-Ата, Бишкек, Ереван, Минск, Москва, Нур-Султан, Санкт-Петербург
Территория	4 236 351 км	20 260 435 км
Население	453 007 803 чел. (на 2020 г.)	186 000 880 чел. (на 2020 г.)
ВВП	18,4 трлн. долл. (на 2018 г.)	2 150 млрд долл. (на 2020 г.)

В докладе ЕЭК «Евразийский экономический союз: цифры и факты. Интеграция и макроэкономика» подчеркивается, что в настоящий момент ведется диалог по выстраиванию отношений с Европейской комиссией. Кроме того, указывается, ЕС – это один из главных партнеров Союза (практические половина от общего объема внешнеторгового оборота товарами приходится на долю ЕС), хотя ограничения на сотрудничество с ЕАЭС продолжают действовать [4. С. 26].

ЕАЭС заинтересован в развитии интеграции с ЕС, это можно проследить, исходя из следующих данных. Как уже говорилось ранее, ЕС – главный покупатель товаров ЕАЭС на международном рынке.

Идеи углубления интеграции ЕС и ЕАЭС поднимались не один раз. О концепции Большой Европы еще говорилось в начале XX в., Х.Дж. Маккиндер в своей геополитической теории использовал понятие «хартленд» для описания сердцевины Евразии в геополитическом пространстве. Он подчеркивал, что союз Европы и России (как хартленда) способен создать мировой центр силы [2. С. 85; 3].

Идея получила продолжение в работах К. Хаусхофера, он предлагал Германии, Японии и СССР создать геополитический блок с целью противодействия другим цивилизациям, а точнее англо-саксонской модели. В се-

редине XX в. появилось выражение «Европа от Атлантики до Урала», его автором является Шарль де Голль. Данная идея представляет собой интеграцию Франции, ФРГ, СССР и стран СЭВ. Вскоре президент Франции отказался от использования данного выражения по причине некорректности, но его внешняя политика продолжала отражать данную идею. В 1980-е гг. М.С. Горбачев заговорил о концепции «общего европейского дома», которая отражалась в углублении интеграции в Европе. Но ему так и не удалось реализовать этот план в силу геополитических причин. Европейская интеграция началась без участия России.

В последующем об идее Большой Европы вспомнили только в 2010 г., так, В.В. Путин высказался о концепции «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока» в статье одной из немецких газет, но из-за осложнения политических отношений между Россией и ЕС в 2014 г. вопрос снова поставили на паузу. Важным является тот факт, что в 2015 г. идея начала продвигаться самостоятельно в деловых кругах Европы. «Лиссабон-Владивосток» – это инициатива по развитию интеграции ЕАЭС и ЕС, которая была выдвинута представителями бизнеса.

Также ЕАЭС вывел на качественно новый уровень такое направление сотрудничества государств-членов, как трудовая миграция. Для трудящихся государств-членов установлен гарантированный льготный миграционный, трудовой, налоговый и социальный режим, который во многом уравнивал права, трудящихся из стран Союза с правами граждан страны трудоустройства [1. С. 21].

В августе 2019 г. во Франции проходила встреча президентов России и Франции, где Э. Макрон заявил, что «отношения между Францией и Россией, Россией и ЕС – играют решающую роль... И мы глубоко верим в эту Европу, которая простирается от Лиссабона до Владивостока» [6].

Также в данном вопросе необходимо рассмотреть политические проблемы. Спорными здесь являются темы Украины, Абхазии, Южной Осетии и Сирии. Зачастую Россия и государства ЕС имеют разногласия по данным вопросам. Например, в 2014 г. по отношению России был применен ряд санкционных мер, на что последовал аналогичный ответ.

Также нельзя проигнорировать группу геополитических проблем. Сотрудничество ЕС и ЕАЭС может уступать другим проектам, например, в последнее время усиливается взаимодействие ЕАЭС с азиатским регионом мира (Китай, ШОС, АСЕАН). Кроме того, США активно участвуют в процессах, происходящих в европейском регионе. Также, ЕС тесно сотрудничает с государствами Северной и Латинской Америки.

Несмотря на вышеперечисленные проблемы, идея развития отношений с ЕАЭС все еще живет в Европе. Зарубежные эксперты признают, что ЕАЭС в будущем может стать центром силы и будет играть большую роль на евразийском пространстве. Кроме того, распространена идея того, что ЕС должен рассматривать ЕАЭС в качестве механизма для «создания новых

отношений с Россией после Крыма... через экономическую конкуренцию, а не военную конфронтацию» [8. С. 20]. Углубление интеграции – это единственный путь, который выведет ЕС и Россию из неустойчивого промежуточного состояния. Политические вопросы не должны мешать интеграции, поскольку, во-первых, экономическое сотрудничество может помочь выйти из политического тупика, во-вторых, после разрешения политических кризисов было бы хорошо иметь подготовленную почву для экономического сотрудничества.

Сегодня ЕС продолжает свою политику двусторонних договоренностей со странами-членами ЕАЭС. В 2015 г. ЕС и Казахстан подписали Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве, в 2016 г. с Беларусью были сняты все санкции и представлен статус GSP+ Киргизии. В 2021 г. между ЕС и Арменией вступило в силу Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве. В ближайшем будущем будет необходимо выяснить, как это отразится на дальнейшем развитии отношений в рамках ЕС и ЕАЭС.

В рамках ответа на вопрос о перспективах развития взаимодействия ЕС и ЕАЭС, ведущий российский экономист Е.Ю. Винокуров утверждает, что необходимо уже сейчас заняться формированием пакета соглашений, направленных на долгосрочную перспективу [7. С. 21]. ЕС должен представляться долгосрочным партнером ЕАЭС. Как показывает практика, большинство соглашений ЕАЭС с третьими странами – это соглашения о свободной торговле, что в случае с ЕС будет недостаточным. Кроме того, каналом переговоров должен выступать сам ЕАЭС и его органы, а не Россия. Таким образом, диалог будет строиться на наднациональных уровнях. Также необходимо чтобы пакет соглашений затрагивал не только режим свободной торговли с ЕС, но и другие сферы, например, развитие общей инфраструктуры, технические стандарты, передвижение капитала и трудовых ресурсов. Это связано с тем, что некоторым странам ЕАЭС не выгодно только лишь снижение или отмена тарифов.

Г. Фельбермайр и Ж. Грешль утверждают, что «интеграция интеграций» несет в себе определенные выгоды. Благодаря соглашению между ЕС, и ЕАЭС Россия может увеличить свои реальные доходы на 3,1%, что составит 34 млрд евро. Доходы Беларуси вырастут на 4,9%, Армении и Киргизии – на 2,3%, Казахстана – 1,7%. Что касается ЕС, то его доходы увеличатся на 30 млрд евро [8. С. 26]. Экспорт товаров из России в ЕС может вырасти на 30%, а экспорт из ЕС в ЕАЭС – на 60%.

Отрицательно интеграция может отразиться на автомобилестроении и сельскохозяйственной отрасли. Отраслевые показатели ЕС отличаются с точностью до наоборот.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос интеграции ЕС и ЕАЭС имеет долгую историю, которая началась еще до образования ЕАЭС.

Проект Большой Европы имеет перспективы и может улучшить отношения между Россией и ЕС. Выгоды от сотрудничества могут способствовать экономической стабилизации в регионе. Но нельзя не отметить и ряд проблем, которые будет необходимо решить, в первую очередь – это проблемы институционального характера. Задача образования общего евразийского пространства может быть решена в течение нескольких десятилетий при условии, что ЕС и ЕАЭС направят свои силы на преодоление противоречий и развитие взаимовыгодного сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Дубина А.Ш.* Трудовая миграция на постсоветском пространстве: современное состояние и особенности / А.Ш. Дубина, З.М. Чернова, Е.Н. Шмонина // Системное обеспечение условий достойного труда: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 22 ноября 2019 года / Сибирский государственный университет путей сообщения; Ответственный редактор В.И. Мельников. Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2020.

2. *Ильин Е.Ю.* Концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 2.

3. Интеграция и макроэкономика // ЕАЭС. Цифры и факты // <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/Интеграция%20и%20цифры%20и%20факты%202020>.

4. *Лагутина М.Л.* ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // Управленческое консультирование. 2015. № 11.

5. Макрон верит в Европу от Лиссабона до Владивостока // <https://ria.ru/20190819/1557648310.html>.

6. *Рожкова Л.В.* Международные связи регионов стран: правовые и экономические аспекты / Л.В. Рожкова, О.В. Сальникова // Состояние и тенденции развития национальной экономики в условиях глобализации: посвящается 100-летию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации: монография. Глава 1. Пенза: Пензенский государственный университет, 2019.

7. *Felbermary G., Groshl J.* Free Trade from Lisbon to Vladivostok: Who Gains, Who Loses from a Eurasian Trade Agreement? // CESifo Forum. 2017. № 18.

8. The Eurasian Economic Union: Power, Politics and Trade // <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/eurasian-economic-union-power-politics-and-trade>.

O.V. DUBROVINA

*Doctor of Political Science, Professor,
Professor of the Department of Political Science and
political department of the RANEPA under the President
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

A.S. DUBINA

*Candidate of Sociological Sciences, Associate
Professor of the Department of Economic Theory and
International Relations, Penza State University,
Penza, Russia*

L.V. ROZHKOVA

*Doctor of Sociology, Head of the Department
of Economic Theory and International Relations
Penza State University, Penza, Russia*

THE MAIN DIRECTIONS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INTEGRATION OF THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE EUROPEAN UNION

The Eurasian Economic Union is represented by an international organization of regional economic integration with international legal personality. It was established by the Treaty on the EAEU, which entered into force on 01.01.2015. The EAEU ensures freedom of movement of goods, services, capital and labor.

The relevance of the work lies in the fact that today the EAEU is one of the most promising associations in the Eurasian space. In addition, the EAEU has great potential for further expansion and development. The EAEU is a young association, it has been operating for only 6 years. But during this time, he managed to achieve some success, both within the EAEU itself and in the international arena.

The purpose of the article is to study the trends and prospects for the development of integration within the Eurasian Economic Union and the European Union at the present stage.

The article describes promising areas of development of the Eurasian Economic Union and the eurozone countries, analyzes the prospects for expanding international cooperation of the EAEU, as well as the ability to interface various integration formats with the participation of Russia. Due to the fact that today the Eurasian Economic Union is recognized as a relatively young, but progressive integration association on the territory of greater Eurasia.

Signs of coordination of trade in services and investment activity in the territory of the internal market of the integration association are also presented. The

features of the formation of the Eurasian integration in contrast to the Western European one operating within the European Union are described. The analysis of the impact of modern global challenges and geopolitical tensions on the risks in the development of the integration process and methods of their minimization is carried out.

Key words: *integration, global regulation, international relations, international economic organizations, EAEU, EU, SCO, ASEAN, MERCOSUR.*

DOI 10.35775/PSI.2021.39.5.005

УДК 316.36+323.2

М.А. АБРАМОВА

доктор педагогических наук,

ведущий научный сотрудник, заведующая отделом
социальных и правовых исследований Института филосо-
фии и права Сибирского отделения РАН, Россия, г. Новосибирск

ORCID.ORG/0000-0001-6923-3564

«ЕВРАЗИЯ» И «ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО» В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Обращение к интерпретациям понятий «Евразия» и «евразийское пространство» обусловлено потребностью в расширении представлений о возможных коннотациях, используемых в описании современных геополитических, экономических и социокультурных процессов.

Статья имеет своей целью представить наиболее часто употребляющиеся интерпретации зарубежных исследователей, в некоторой степени отличающиеся от привычного россиянам восприятия Евразии и евразийского пространства через концепцию «евразийства» как результата развития русской политической мысли XIX-XX вв. Автор в попытке представить широту и многогранность современного восприятия понятия «Евразия» обращается к геополитической концепции Х. Макиндера, исследованиям Golam Md. Mostafa, Nikolas K. Gvosdev, Эбботта Глисона, Мишеля Брюно, Марка Бассина и др.

В заключении сделан вывод, что попытка рассмотрения различных вариантов интерпретации термина «Евразия» и в том числе отношения к понятию «евразийское пространство», показала их актуальность в современном геополитическом дискурсе, где они выполняют функцию идеологической основы для определения и представления геополитических интересов стран. Коннотации их использования обусловлены как геостратегическими планами, так и историко-культурными предпосылками, определяющими позицию авторы и страны относительно евразийского континента, что и порождает разнообразие в вариативности интерпретации понятия «Евразия».

Ключевые слова: *Евразия, Евразийство, евразийское пространство, геополитические стратегии, цивилизация Суши и цивилизация Моря, интерпретация и коннотация термина.*

16 сентября 2021 г. стало известно о новом партнерском договоре США, Великобритании и Австралии в сфере обороны и безопасности получив-

шем название AUKUS. Как отмечают в Белом доме, основная идея соглашения – защита и отстаивание интересов участников договора в Индо-Тихоокеанском регионе [4]. Реализация идеи соглашения одновременно ударила по нескольким направлениям: ослабление европейских «партнеров», усиление позиций США и Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе, и несмотря на то, что многие СМИ увидели в выбранной стратегии попытку демонстрации силы конкретно Китаю, мы полагаем, что, по сути, она представляет лишь новое оформление старой стратегии установления контроля над Евразией. Достаточно вспомнить статью геополитика Х. Макиндера «Географическая ось истории» [3; 14], в которой он еще в начале XX века описывает противостояние Англии и России в «Большой Игре» [12] за контроль над евразийским материком. Геополитически наиболее значимыми исследователем названы просторы «окаемочной земли»: берег евразийского материка от Западной Европы через Средиземноморье, Ближний Восток, Турцию, Кавказ, Иран, Центральную Азию, Индию вплоть до Китая, стран Дальнего Востока, Японии и Тихоокеанского региона. Х. Макиндер видел в евразийском пространстве (от Средиземного моря до Тихого океана) источник сохранения Британской империей своего мирового господства.

А. Дугин, анализируя данную геополитическую концепцию, пишет: «Перед лицом Англии, осознанной геополитически, Х. Макиндер выделяет то, что может служить преградой на пути сохранения и укрепления ее планетарного могущества. И это Евразия – континентальная масса, в ядре которой находится «сердечная земля» (Heartland)» [2].

Вторым удивительным совпадением или подтверждением актуальности концепции геополитики Х. Макиндера является объединение стран в AUKUS по принципу морских. Исследователь выделял две фундаментальные категории: кочевники Суши и кочевники Моря. Придавая динамичность историческим процессам, «бандиты Моря» (the brigands) оказывают политическое, военное и культурное воздействие, заставляя существующие оседлые государства, культуры и народы постоянно отвечать на эти вызовы [2]. Не удивительно, что представляя Евразию, Х. Макиндер использует термин «мировой остров» (World Island), вокруг которого «расположены два полумесяца – «большой полумесяц» (outer crescent), океанический, совпадающий в общих чертах с охватом британского мирового господства (мы бы сегодня добавили и США), и «малый полумесяц» (inner crescent). В центре «мирового острова», в зоне «heartland», находится «географическая ось истории», то есть ядро цивилизации Суши» [2]. Представленное геополитическое видение карты мира Х. Макиндером соединяет цивилизационные конструкты с конкретными политико-географическими пространствами Земли позволяя и сегодня выявить внутреннее содержание, как политических, так и исторических, социокультурных процессов.

Если для Х. Макиндера Евразия представляла ценность как ядро цивилизации Суши, то современные интерпретации евразийского пространства

не всегда бывают столь изысканными, особенно в контексте проектов, разворачивающихся в последние десятилетия в рамках сотрудничества стран «Большой Евразии». Весьма примечательными являются интерпретации термина «Евразия», выполненные в рамках дискурса постсоветского пространства и «освобождения» стран от имперского влияния России, которые представлены в зарубежных публикациях. Так, например, Эбботт Глисон – профессор истории Университета Брауна (США) и автор книги «Тоталитаризм: внутренняя история холодной войны» утверждает, что термин «Евразия» – это просто удобный способ обозначения того, что было советской территорией: «В новейшей истории были попытки придать ему большее цивилизационное значение, но эти попытки уходят корнями в русское мифотворчество» [5. Р. 26]. Свое отношение к геополитической концепции Х. Маккиндера, также, как и к теории К. Хаусхофера в Германии, он формулирует со ссылкой на других авторов как к материалистическим спекуляциям, основанным на физической географии всей территории Азии и Европы (On Mackinder, see Geoffrey Parker [17]. On Haushofer, see Andreas Dorpalen [8]) [5. Р. 28]. Однако его оценки стремления стран Восточной Европы «искать дружбы и защиты у Соединенных Штатов после холодной войны», поскольку «как польское, так и чешское правительства обошли НАТО и Европейский союз, чтобы вести прямые переговоры с Соединенными Штатами» [5. Р. 29], по нашему мнению, являются ничем иным как демонстрацией роста влияния «бандитов Моря» над цивилизацией Суши, согласно терминологии и геополитической карте Х. Маккиндера.

Мы бы не хотели останавливаться более подробно на данном кластере публикаций, поскольку происхождение каждой из них нужно рассматривать отдельно в контексте исследовательского бэкграунда автора и финансирующей его организации и пр. Единственная мысль, которая чаще всего возникает при прочтении подобных работ – это удивительное их созвучие стратегии цивилизации Моря, описанной еще в начале XX в. Х. Макиндером, что возможный союз России с Германией и Китаем сделает «сердечную землю» главной мировой силой: «Этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах, поэтому задача «морского могущества» – запретить Россию как можно глубже к северо-востоку Евразии, обложить со всех сторон «санитарным кордоном», предотвратить распространение ее влияния на Дальний Восток, Афганистан, Иран, Ближний Восток и Средиземноморье, а также блокировать любое сближение с Германией» [2]. Невольно приходит на ум ситуация с попыткой запретить «Северный поток 2», как один из примеров реализации стратегий цивилизации Моря Х. Макиндера.

Тем не менее, мы должны признать, что, как и европоцентристский подход к восприятию Евразии, так и пример геополитической конструкции, представленный Х. Макиндером, а также работы аналогичные публикации Эбботта Глисона являются не единственными, что обуславливает потреб-

ность в рассмотрении иных интерпретаций понятий «Евразии» и «евразийского пространства» которые могут быть представлены в современных зарубежных исследованиях. Так, например, французский географ Мишель Брюно, обращаясь к вариантам интерпретации термина, вспоминает, что одна из версий его происхождения связана с использованием в 1844 году колониальной администрацией Индии слова «Евразия», «в качестве административной категории для обозначения метисов индийских и европейских родственников» [7. Р. 2]. Во французский язык термин «Евразия» был заимствован из английского языка в 1865 году [9. Р. 15-16]. В немецком и русском языках еще в конце XIX века термин «Евразия» использовался как географический, относящийся к двум континентам. Геологи, биогеографы и географы со времен Эдуарда Сюсса (1883 г.) рассматривали его как обозначающее всю Европу и Азию в целом. И лишь с формированием концепции Х. Маккиндера, а также евразийского направления в России (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский, Г.В. Вернадский, А.Л. Ливен, Л.П. Карсавин, Н.Н. Алексеев, В.Н. Ильин и др.) он стал использоваться в геополитическом контексте.

Таким образом, даже эти небольшие примеры демонстрируют, что определение «Евразии» и «евразийского пространства» продолжает оставаться актуальным и многогранным, несмотря на то, что мы уже настолько привыкли воспринимать «Евразийство» как результат развития русской политической мысли XIX-XX вв. И все более значимым становится принятие мысли, что идея евразийского пространства может быть представлена иными взглядами и его географические координаты могут иметь совершенно разные очертания. Если «классическое Евразийство» формировалось как идея о геополитической стратегии России и соответственно ее миссии в сохранении контроля над всеми частями Российской империи, то современное прочтение идеи евразийского сотрудничества и «Большой Евразии» скорее предполагает содружество в евразийском пространстве суверенных государств как равноправных членов мирового сообщества [1. С. 19]. Поэтому употребление термина «Евразия» в современных российских исследованиях чаще всего сводится либо к ретроспективным исследованиям развития евразийской идеи, либо обсуждению проблем формирования Евразийского экономического сообщества в единое экономическое пространство, а также функционированию различных соглашений в рамках Содружества Независимых Государств и отдельным блоком стоят исследования Евразии как некой общности народов и стран Европы и Азии, находящихся на континенте Евразия.

Для корректности анализа следует уточнить, что проблема – куда отнести Россию к Европе или Азии также обсуждается и в зарубежных источниках. Так, Nikolai K. Gvosdev в статье «Россия: «Европейская, но не западная?»» актуализирует данный вопрос, ссылаясь на то, что он до сих пор

имеет значение, поскольку критерии, по которым проводятся в Европе различия между «Западом» и «Остальными», учитывая современные изменения в европейской семье наций, становятся все более значимыми: «Иногда беспокойство о том, «где место России», имеет мало общего с самой Россией. Это отражено в концепции «гнездящихся ориентализмов» в странах Центральной и Восточной Европы и на Балканах, странах, чьи собственные «Западная идентичность» и ориентация под сомнением. Они сочли полезным утверждать свою близость с Западом, сравнивая и противопоставляя себя и восточных соседей, как Турция и Россия» [11. Р. 130].

Данная точка зрения отчасти совпадает с позицией Х. Макиндера относительно роли всех европейских национальных государств, выступающих скорее в роли промежуточных акторов между «цивилизацией Моря» и «цивилизации Суши». «Вся эта зона обладает «двойной идентичностью»; она может делать выбор в пользу «Моря» и в пользу «Суши», так как изначально представляет собой территорию столкновения двух фундаментальных геополитических сил» [2]. Представляют эти полюса Европы – Англия и Россия, которые «не могут участвовать в «политической кадрили»: их позиции на геополитической карте жестко фиксированы: именно они, в конце концов, бьются друг с другом сквозь всю кипучую мишуру европейской политической возни» [2]. По сути, геополитическая карта Х. Макиндера, нивелирующая значение европоцентристского подхода в интерпретации цивилизационных процессов, также лишает всякого смысла обсуждение вопроса о европейской или азиатской доминанте России.

Для демонстрации широты вариаций интерпретации термина «Евразия», а также рассмотрения возможной географии евразийского пространства особый интерес представляет статья Golam Mostafa «Концепция «Евразии»: евразийская политика Казахстана и ее последствия» [10]. В ней автор убедительно показывает, что концепция Евразийства и Евразийская политика превратилась в настоящее время в государственную идеологию многих стран, в том числе и Казахстана, и это находит отражение во внутренних, региональных и внешних стратегиях реализуемой политики. Представляя обзор различных концепций Евразийства, исследователь оценивает российскую геополитическую концепцию, со всеми ее изменениями и модификациями, как являющуюся наиболее сильной и доминирующей в современных историко-культурных, академических, а также национальных политических и идеологических дискуссиях и дискурсах. Но кроме российской, Golam Mostafa упоминает еще несколько: турецкое Евразийство, концепция «Мусульманской Евразии», Евразийский эколого-экономический союз «Великий Алтай», политика Евразийства Казахстана и др.

Турецкий концепт представляет Евразию как часть тех областей и регионов, где в основном проживают тюркские народы, включая Турцию, Балканы, часть бывшего СССР, Центральную Азию, регионы Поволжья и Аф-

ганистан [18. Р. 21]. Турецкое Евразийство как план создания содружества тюркских государств стал популярен в начале 1990-х годов после распада СССР, когда образовались пять независимых государств Центральной Азии, имевшие исторические, культурные и этнолингвистически тесные связи с Турцией (за исключением Таджикистана).

Идея «Мусульманской Евразии» в основном разрабатывается южно-кавказскими и турецкими авторами, включающими в это пространство страны и территории мусульманского большинства в Центральной Азии и Южном Кавказе. В основе лежит не только общность религиозной или политической идеологии, но скорее светские, социально-нормативные и культурные ценности и традиции. Авторы предполагают, что формирование новой идеологии может стать катализатором мира, стабильности и гармонии в данном регионе и легко заменит старые советские нормы, ценности и культуру. Оценивая перспективы расширения влияния идеи мусульманской Евразии Golam Mostafa пишет, что, «маловероятно, какой-либо союз, интеграция или сотрудничество, основанные на общей религии, будут приемлемы для Центрально-Азиатских государств, поскольку они светские, многонациональные и многоконфессиональные» [10. Р. 163].

Группа из геополитических евразийцев, в основном базирующихся в Азербайджане и Южном Кавказе, подчеркивают роль и значение Каспийского моря и утверждают, что Каспийская зона является центром Евразии, где находится пересечение трех великих цивилизаций; тюркской, славянской и арийско-иранской и двух мировых религий; ислама и христианства [19. Р. 72]. Причем Matikeeva S. [15], ссылаясь на упомянутую выше концепцию геополитики Х. Маккиндера, пишет о том, что Кыргызстан не может и не должен быть отделен от своих центрально азиатских соседей, стран СНГ, Китая и Соединенных Штатов, что видится нам в рамках дихотомийного представления цивилизаций весьма спорным.

Концепция Евразии, формируемая Казахстаном в начале 1990-х годов, основывается на идее срединного расположения государства, как в Азии, так и в Европе, что позволяет ему играть роль «моста между Азией и Европой». Казахстанское евразийство провозглашено высшим руководством страны в качестве официальной идеологии, и основное внимание было уделено построению мира, солидарности и единства между народами на основе морали, духовности, культурного и исторического взаимодействия народов с различным этноязыковым, культурным и религиозным происхождением [16]. Необходимо отдать должное президенту Нурсултану Назарбаеву, сумевшему создать и использовать интеграционный потенциал идеи для разработки серии проектов, включая создание Евразийского союза.

Анализируя различные формы и типы Евразийства, М. Бассин [6] отметил, что все они имеют два общих элемента: синтез европейских и азиатских принципов и современные стратегии реализации их, в рамках евразийского

пространства, претендующие на то, чтобы стать законным представителем классического наследия.

Концепции неоевразийства, несмотря на разные исторические и географические предпосылки своего появления, не являются призывом возврата к прошлому, а скорее выступают объединяющей идеей для стран евразийского пространства в настоящем. И в отличие от еще проскальзывающих иногда в статьях европейских авторов некоторых ноток пренебрежительности в интерпретации термина, связывающих его с азиатским радикализмом, фундаментализмом, разделяющих историю «темных веков», колониализма, М. Бассин пишет, что концепция имеет шансы на развитие и большой интеграционный потенциал. Хотя автор также отмечает, что ряд представителей модернизма считают появление неоевразийства в России лишь свидетельством ее разочарования в попытках быть принятым в качестве равноправного партнера в Европе и усиливающейся роли в данной ситуации Азии как пространства для своего развития.

Мы солидарны с мнением Golam Mostafa [10. Р. 165], что основная проблема современных попыток создания нового видения Евразии состоит в том, что со времени исследований Л. Гумилевым Евразийства не было достигнуто серьезного прогресса в теоретических исследованиях, которые бы позволили обосновать аналитические и методологические принципы изучения данного вопроса, а основное внимание уделяется второстепенным темам, таким, как концепция моста и так далее. В то же время сам континент остается притягательным для многих стран, представляющих цивилизацию Моря.

Х. Макиндер в 1919 году сформулировал еще один базовый закон геополитики: *«Кто контролирует Восточную Европу, кто управляет «сердечной землей» (Heartland), тот управляет «мировым островом»; кто управляет «мировым островом», тот правит миром»* [13. Р. 106]. А. Sengupta, как бы развивая мысль геополитика, уже в 2009 г. пишет о непрерывном поясе стран, называемом «поясом ожидания», расположенных вдоль меридиана центра Евразии. «Несмотря на все различия между этими странами, они составляют относительно прочную группу с точки зрения потенциальных ресурсов и возможностей влиять не только на баланс сил в Азии или Евразии, но даже на геополитическое равновесие в мире» [18. Р. 24].

Таким образом, мы можем подвести некий промежуточный итог попыткам рассмотрения различных вариантов интерпретации термина «Евразия», и в том числе отношения к понятию «евразийское пространство», отметив, что данные концепты в современном мире скорее выполняют функцию идеологической основы для определения и представления геополитических интересов стран. Коннотации их использования обусловлены как геостратегическими планами, так и историко-культурными предпосылками, определяющими позицию страны относительно евразийского континента, что и порождает разнообразие в вариативности интерпретации понятия «Евразия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Валовая М.Д.* Тернистый путь Евразии: от скифского союза к единому экономическому пространству // *Пространство и время*. 2010. № 1.
2. *Дугин А.Х.* Макиндер и «географическая ось истории» // <https://www.geopolitica.ru/article/h-makinder>.
3. *Макиндер Х.* Географическая ось истории / Дугин А.Г. // *Основы геополитики*. М.: Арктогея-центр, 2000.
4. США, Британия и Австралия объединились в военный блок. Какие задачи будет решать новый альянс? // https://lenta.ru/brief/2021/09/16/auu-kus_partnership/.
5. Abbott Gleason Eurasia: What is it? Is it? // *Journal of Eurasian Studies*. 2010. Vol. 1. No 1. DOI:10.1016/j.euras.2009.11.002.
6. *Bassin M.* Eurasianism “Classical” and “Neo”: the lines of continuity. 2002 // www.src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no17_ses/14bassin.pdf.
7. *Bruneau M.* “Eurasia, an un-conceptualised space in geography: Continent, empire, ideology or project?” // *L’Espace géographique*. 2018. Volume 47. No. 1. DOI: 10.3917/eg.471.0001 // <https://www.cairn-int.info/journal-espace-geographique-2018-1-page-1.htm>.
8. *Dorpalen A.* The world of General Haushofer. New York: Farrar and Rinehart, 1984.
9. *Gabowitsch M.* «Eurasie: éléments pour une histoire conceptuelle et sémantique compare du terme». In Dressler W (dir.), *Eurasie. Espace mythique ou réalité en construction?* Bruxelles: E. Bruylant, 2009.
10. *Golam Md. Mostafa.* The concept of “Eurasia”: Kazakhstan’s Eurasian policy and its implications // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. No. 4. DOI: 10.1016/j.euras.2013.03.006.
11. *Gvosdev N.K.* Russia: “European But Not Western?” December. 2007. *Orbis* 51 (1). DOI: 10.1016/j.orbis.2006.10.008 Winter 2007.
12. *Johnson R.* Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757-1947. London: Greenhill, 2006.
13. *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996.
14. *Mackinder H.J.* The geographical pivot of history // *The Geographical Journal*. 1904. No. 23.
15. *Matikeeva S.* Mackinder’s legacy: was it a prophesy? // *Central Asia and the Caucasus*. 2005. No. 34 (4).
16. *Nyissanbayev A. & Dunaev V.* *EvrAziyskaya Doctrina Nursultana Nazarbaeva (Eurasian Doctrine of the Nursultan Nazarbayev)*. Almaty: Institute of Philosophy and Political Studies at the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, 2010.
17. *Parker G.* Western geopolitical thought in the twentieth century. New York: St. Martin’s Press, 1985.

18. *Sengupta A.* Conceptualizing Eurasian geopolitics: debates and discourses on the ‘Heartland’. In Suchandana Chatterjee, Anita Sengupta, & Susmita Bhattacharya (Eds.), *Asiatic Russia: Partnerships and communities in Eurasia*. Kolkata: Shipra, 2009.

19. *Shrielman V.A.* To make a bridge: Eurasian discourse in the post-Soviet world // *Anthropology of East Europe Review*. 2009. No. 27 (2).

M.A. ABRAMOVA

*Doctor of Sciences (Education), Leading Researcher,
Doctor of Pedagogical Sciences, Leading Researcher,
Head of the Department of Social and Legal Research,
Institute of Philosophy and Law SB RAS,
Novosibirsk, Russia
ORCID.ORG/0000-0001-6923-3564*

“EURASIA” AND “EURASIAN SPACE” IN THE CONTEXT OF INTERPRETATIONS

The appeal to the interpretations of the concepts of “Eurasia” and “Eurasian space” is due to the need to expand the ideas about possible connotations used in the description of modern geopolitical, economic and socio-cultural processes.

The article aims to present the most frequently used interpretations of foreign researchers, which differ to some extent from the perception of Eurasia and the Eurasian space that is familiar to Russians through the concept of “Eurasianism” as a result of the development of Russian political thought in the XIX-XX centuries.. In an attempt to present the breadth and versatility of the modern perception of the concept of “Eurasia”, the author refers to the geopolitical concept of H. Mackinder, the studies of Golam Md. Mostafa, Nikolas K. Gvosdev, Abbott Gleeson, Michel Bruno, Mark Bassin, etc.

In conclusion, it is concluded that the attempt to consider various variants of the interpretation of the term “Eurasia”, including the relationship to the concept of “Eurasian space”, has shown their relevance in modern geopolitical discourse, where they serve as an ideological basis for determining and representing the geopolitical interests of countries. The connotations of their use are due to both geostrategic plans and historical and cultural prerequisites that determine the position of the authors and the country regarding the Eurasian continent, which generates a variety in the variability of the interpretation of the concept of “Eurasia”.

Key words: *Eurasia, Eurasianism, Eurasian space, geopolitical strategies, Land civilization and Sea civilization, interpretation and connotation of the term.*

DOI 10.35775/PSI.2021.39.5.006

УДК 327.51

А.А. ТУШКОВ

*доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

А.Г. ОСЕЛЕДЕЦ

*кандидат исторических наук, доцент
Военного учебного центра Дальневосточного
федерального университета,*

Россия, г. Владивосток

А.А. ТУШКОВ

*аспирант кафедры международных отношений
и права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,*

Россия, г. Владивосток

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Данная статья посвящена актуальной теме – выстраиванию Соединенными Штатами внешнеполитического курса в Индо-Тихоокеанском регионе на всеобъемлющее глобальное доминирование. В основе данного курса лежит возрастание геополитического присутствия США в регионе, в том числе военно-политической составляющей. При этом регионообразующий фактор становится ключевым в формировании новой архитектоники безопасности данного региона. Интерес Пентагона к Индо-Тихоокеанскому региону очевиден. Именно данный регион занимает в стратегических планах военного ведомства первостепенное значение. Вследствие неразрывных исторических, культурных, торговых связей со странами Индо-Тихоокеанского региона, США объявили себя «тихоокеанской нацией», что придало ей решимость и право выстраивать новую конфигурацию международных отношений.

Ключевые слова: *США, Индо-Тихоокеанский регион, «Стратегия национальной обороны», КНР, Россия.*

Повестка дня международных отношений, где ключевым аспектом являются проблемы военно-политического соперничества с крупными державами мира, вернулась в число приоритетов американской военной политики в середине 2010-х гг. Именно тогда Пентагон объявил о реализации «третьей стратегии компенсации» (1). Благодаря провозглашенной стратегии [6], США отошли от практики предшествующих двух десятилетий, когда упор делался на способности американских вооруженных сил выполнять, фактически, полицейские функции с целью «утверждению демократии» в слабых государствах и принуждения правительств в борьбе с различными группировками повстанцев. В докладе Пентагона «Стратегия национальной обороны», опубликованного в июне 2019 г., утверждается, что наиболее напряженные потенциальные конфликтные сценарии будут происходить на периферии конкурентов (противников) США. Под конкурентами понимаются, прежде всего, геополитические противники – Россия, Китай и КНДР. В докладе Пентагона говорится, что в случае применения геополитическими противниками своего вооружения, то они получают преимущества в начале конфликта, т.к. в развертывании военных действий упор будет сделан на особенности местных условий. Пентагон утверждает, что с целью подавления сопротивления США и их союзников, геополитические противники с началом боевых действий будут активно использовать свое военное преимущество в области применения стоящих на вооружении боевых сил и средств [4]. Для борьбы с развитием подобного плана и противодействия боевым выступлениям своих геополитических противников, Пентагон утвердил концепцию так называемых «многодоменных операций армии США». Так, в соответствии с данной концепцией, американское военное ведомство проводит операции Pacific Pathways. Суть ее заключается в том, она предназначена для создания временного военного превосходства между несколькими «доменами». Это позволит США и ее союзникам захватить и использовать свою военную инициативу. Помимо России, Китая и КНДР, в докладе определено, что Соединенные Штаты в Индо-Тихоокеанском регионе продолжают сталкиваться и с другими вызовами и угрозами. В их числе Белый Дом относит транснациональные угрозы. В их число администрация США включила такие, как незаконную торговлю оружием, наркотиками и людьми, терроризм, а также распространение опасных патогенов и стихийные бедствия. В докладе утверждается, что в странах региона действуют многочисленные террористические организации.

Интерес Пентагона к Индо-Тихоокеанскому региону очевиден. Так, в докладе военного ведомства США (июнь 2019 г.) [4] указано, что регион причислен к основному театру обороны США. Вследствие неразрывных исторических, культурных, торговых связей со странами Индо-Тихоокеанского региона, США объявили себя «тихоокеанской нацией», что придало ей решимость и право выстраивать новую конфигурацию международных

отношений. С начала 1970-х годов Белый дом поддерживал в АТР такие фундаментальные региональные институты, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Форум АТЭС и Азиатский банк развития. Кроме того, с целью продвижения своей внешнеполитической стратегии, США предприняли два ключевых шага. В 1979 году США установили официальные дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой, а также на рубеже XXI века поддержали вступление КНР во Всемирную торговую организацию. Последний шаг, по мнению США, должен был привести к экономической либерализации Китая.

Анализируя проблему военного присутствия Соединенных Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе, необходимо определить основные приоритеты национальных интересов. Важно уточнить, что в Стратегии национальной безопасности США нормативно закреплена иерархия приоритетности. Так, «национальные интересы» определяют «интересы безопасности», а те, в свою очередь, «военные интересы» [8]. В военной стратегии США этот перечень конкретизируется до трех основных военных задач: во-первых, сдерживание и поражение нападающих; во-вторых, разрушение и уничтожение экстремистских организаций; в-третьих, укрепление глобальной сети союзников и партнеров [9. Р. 5]. В докладе Пентагона «Стратегия национальной обороны» к национальным интересам США в регионе отнесены:

– во-первых, обеспечение мира с опорой на американские военные силы. Пентагон исходит и из того, что союзники обязаны взять на себя справедливую долю ответственности за защиту от военных угроз. Данное требование американской стороны с приходом в Белый дом Дональда Трампа является общепризнанным требованием к военным расходам своих союзников [4];

– во-вторых, с целью защиты американских интересов и принципов в регионе всецело развивать свое влияние в многосторонних институтах и организациях.

Важно отметить **первый аспект** Стратегии национальной безопасности и стратегии национальной обороны Соединенных Штатов. Это определение американского видения конкуренции в Индо-Тихоокеанском регионе, которое можно определить, как двумя категориями – сдерживания и победы. Эти документы 2018 года определяет следующие общие цели:

1. Защиту Соединенных Штатов всеми имеющимися средствами, как военными, так и политическими инструментами на международной арене.

2. Принять все меры, как политические, так и военные, к обеспечению США самой выдающейся военной силой в мире.

3. Всемерно обеспечивать расстановку сил в ключевых регионах таким образом, чтобы баланс оставалась в пользу США и стратегических союзников.

4. Всеми имеющимися силами продвигать и обеспечивать тот международный порядок, который должен способствовать безопасности Соединен-

ных Штатов Америки в предполагаемом регионе или зоне национальных интересов.

Доклад Пентагона не является обновленной стратегией обеспечения американского доминирования во всех регионах мира. Она является лишь очередным вариантом одной из четырех пунктов, так называемой «великой стратегии» мирового первенства США, сформулированной в 1950-е годы. Но здесь необходимо добавить то, что для решения проблемы «негативного» сдвига в региональном балансе расстановки сил с политическим и военным ущербом для Соединенных Штатов, Пентагон создает Объединенные силы и расширяет военное сотрудничество с наиболее влиятельной и обладающей политическим авторитетом, и военным потенциалом группой союзников и партнеров США. Оценка союзников исходит из определения готовности победить в любом конфликте.

Исходя из этого можно определить, что военно-стратегический ответ США заключается в создании региональной военной организации с объединенными силами под руководством США. Это своего рода аналог Североатлантического блока. Но ответ на стратегический замысел американцев создать «евразийское НАТО» автор диссертации рассмотрел выше. Еще один аспект, который необходимо отметить в Стратегии национальной обороны. Она ставит задачу Пентагону использовать выделенные ресурсы для повышения летальности, устойчивости, маневренности и готовности этих Объединенных сил обеспечить стратегическое доминирование Соединенных Штатов во всех регионах мира. В Докладе определено, что с целью создания Объединенных сил Пентагон «усиливает свою приверженность к созданным альянсам и партнерствам, а также расширяет и углубляет отношения с новыми партнерами» [4].

Второй аспект Стратегии национальной безопасности и стратегии национальной обороны Соединенных Штатов. Его можно определить, как выполнение сложной задачи, поставленной перед Министерством обороны. Это укрепление военных союзов (альянсов) и развитие партнерства США, превратив их в так называемую «сетевую архитектуру безопасности». Цель одна: поддержание установленного международного порядка, основанного на таких правилах, которые полностью соответствуют стратегическим интересам США. Реализация этого подхода в ИТР требует от Белого дома таких комплексных усилий, которые позволили бы связать экономику, управление и безопасность. Главным направлением здесь является экономический фактор. При этом решающее значение будут иметь взаимовыгодные альянсы и партнерские отношения США с союзниками в стратегическом направлении, обеспечивая долговременное, асимметричное преимущество перед противником. В том числе обеспечивая жесткие рамки приобретения летального и иного вооружения. С этой целью Соединенные Штаты в Индо-Тихоокеанском регионе предлагают своим союзникам (Япония, Южная Корея, Австралия, Филиппины и Таиланд) приобретать свое вооружение.

При этом японо-американский военно-политический альянс является ключевым в американской региональной политике. Для Белого дома он создает асимметричные преимущества, так как предлагает Японии совместное участие по модернизации совместного военно-политического партнерства, ставшего, несмотря на некоторые разногласия и противоречия в рамках консенсуса, устойчивым союзом. Данный союз усиливает то обстоятельство, что в Индо-Тихоокеанском регионе США имеют устойчивые военно-политические стратегические отношения со своими ключевыми союзниками по НАТО, это Великобританией, Францией и Канадой.

Проблема стратегического интереса Соединенных Штатов Америки к формированию нового Индо-Тихоокеанского региона многогранна. Но при ее исследовании нельзя обойти такой важнейший аспект, как сценарий развития политического процесса в Индо-Тихоокеанском регионе. При прогнозировании развития курса официального Вашингтона в данном регионе, крайне важно понять следующее: во-первых, жизнеспособна ли концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» в стратегии США в рамках выстраивания официальным Вашингтоном многосторонних отношений в Юго-Восточной Азии: во-вторых, что ждет не только Евразию, но и все международное сообщество в том случае, если концепция по строительству нового геополитического конструкта «Индо-Пацифика» станет реальностью и какая при этом будет траектория ее развития: в-третьих, какова роль Соединенных Штатов Америки в новом геополитическом формате Индо-Тихоокеанского региона.

Чтобы понять весь спектр поставленных проблем, необходимо изучить альтернативные сценарии будущего Индо-Тихоокеанского региона. Это позволит лучше понять и динамику развития региона. Но любой прогноз развития международных отношений, в конечном счете, исходит из прогноза соотношения и расстановки геополитических сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Прежде всего, США – КНР – России, которые окажут решающее влияние на ситуацию в мире. Об этом говорит и прогноз «Общая оперативная обстановка в мире. 2035», подготовленный Центром технической информации Пентагона в июле 2016 года. Он утверждает, что основными геополитическими противниками станут именно эти страны. Причем именно они, а также некоторые другие акторы, по утверждению военного ведомства США («Совместная операционная среда (ЮОС) 2035. Объединенные силы в оспариваемом и беспорядочном мире. 14 июля 2016») будут угрожать мировому порядку через изменение баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионах [7].

Здесь необходимо отметить еще фактор, активно влияющий на формирование политического ландшафта Евразии, это – характер и качество отношений между локальными человеческими цивилизациями. Именно от уровня их взаимоотношений в решающей степени зависит развитие всей

международной обстановки. Более того, от этого зависит не только реализация того или иного сценария, но и вариант развития такого сценария. Автор пытается дать прогноз сценарного развития, исходя из четырех предполагаемых вариантов.

Сценарий 1 – оптимистичный. Исходным положением развития такого сценария лежит международный консенсус на основе широких экономических реформ в Китае. В области экономики предположительно будет открыт китайский рынок для максимального объема иностранных инвестиций. Но только в тех отраслях, где до настоящего времени существуют ограничения. Кроме того, будут заключены двусторонние инвестиционные договоры с Соединенными Штатами и Евросоюзом с гарантией взаимных инвестиций и осуществлена поддержка цифровой торговли Всемирной торговой организации и других технологических соглашений.

В целом, оценки Международного энергетического агентства (IEA), касающегося энергетики в Индо-Тихоокеанском регионе, сбудутся. Согласно данным оценкам агентства, к 2040 году более 60% мирового спроса в данном секторе будут приходиться именно на ИТР. При этом потребности стран данного региона в прямых инвестициях превысят 1 трлн. дол. [3]. В том числе значительно увеличится влияние таких транснациональных корпораций, как Экспортно-импортный банк США (EXIM) и Японская компания страхования экспорта и инвестиций (NEXI) по расширению поставок в ИТР американского сжиженного природного газа (СПГ). Кроме того, в рамках программы будет также реализовывать программы поставок американского сжиженного природного газа во Вьетнам, Индонезию, Малайзию и другие страны Юго-Восточной Азии, в том числе Бруней, Лаос, Камбоджу на миллиарды долларов.

В результате укрепятся экономические и политические связи со всеми странами Индо-Тихоокеанского региона. В области безопасности этот сценарий включает разрешение ряда проблем. В частности:

– во-первых, решение ядерной проблемы Корейской Народной Демократической Республики за счет достижения договоренностей между США, Китаем, Республикой Корея и КНДР о сокращении ядерных вооружений;

– во-вторых, будет значительно углублено двустороннее международное сотрудничество между Соединенными Штатами и Китаем. Укрепиться непрерывное сотрудничество с приграничными государствами, таким как Китай, Россия, Индия, Иран и Пакистан по борьбе с терроризмом и наркоторговлей. Данное сотрудничество будет осуществляться под руководством Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также происходить выработка условий для создания правительства в Кабуле с доминированием Талибана, но при условии уничтожения убежищ террористов. В Сирии произойдет объединение коалиционных сил в борьбе с ИГИЛ, гуманитарной помощи беженца;

– в-третьих, произойдет военно-политическое объединение под руководством США с наиболее большим набором союзников и партнеров. В число партнеров будет включены как Китай, так и Россия. При этом надо учесть и тот фактор, что увеличение финансовых инвестиций США будет способствовать американскому значительному влиянию в Индо-Тихоокеанском регионе и поддержанию международного порядка, основанному на американских правилах;

– в-четвертых, в Азиатско-Тихоокеанском регионе возобладает концепция Китая «Сообщество единой судьбы человечества», где в основе лежат принципы добрососедства при решении региональных и глобальных проблем, стоящих перед странами Индо-Тихоокеанского региона.

Сценарий 2 – стагнация и застой. При данном варианте сценария развитие международной обстановки в Индо-Тихоокеанском регионе будет неуклонно происходить со значительным ростом конфронтационных элементов с ростом острой напряженности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, в отношениях между Китаем и США, Китаем и Индией, Китаем и Вьетнамом, в основе которых будут лежать территориальные споры, а также проблемы политико-экономического характера. Будет наблюдаться процесс ограниченного сотрудничества по проблеме Корейского полуострова. Будут реализованы поэтапные промежуточные мероприятия, такие как сворачивание, в целом, всей ядерной программы и программы создания межконтинентальной баллистической ракеты (МБР). При этом они будут частично демонтированы и заморожены.

Кроме того, будут в значительной мере усиливаться новые методы дипломатической войны – санкционная политика и экономическое давление, острое соперничество по проблемам передачи высоких технологий между Китаем и Соединенными Штатами. Вашингтон и его союзники, стратегические партнеры и партнеры-единомышленники продолжают дипломатическое и торговое давление на Китай. Цель при этом одна: подтолкнуть Китайскую Народную Республику к более приемлемому поведению в торговле и инвестициях в интересах Коллективного запада. Тем более, что данное обещание дал лидер Китая Си Цзиньпин в своей речи в ходе Боаоского азиатского форума (БАФ), прошедшего в апреле 2018 г. в китайской провинции Хайнань (известный как «Восточный Давос»). Главной темой была «Открытая и инновационная Азия для мира большего процветания» [1].

С целью нейтрализации геополитической роли Китая страны Индо-Тихоокеанского региона в формате Quad продолжают консультации, сосредотачиваясь на наращивании сил и средств в сфере безопасности. При развитии данного сценария Соединенные Штаты оставляют за собой позиции активного игрока в постоянно изменяющемся политическом пространстве.

Сценарий 3 – усиление напряженности и конфронтации. В ходе реализации данного варианта сценария, дипломатическая война между США

и Китаем, в том числе санкционная политика и экономическое взаимное давление только усилятся. Как Китай, так и США будут пребывать в полной уверенности, что смогут одержать в ней победу. При этом такая дипломатическая война и торговые споры между двумя экономическими державами будут негативно отражаться на фондовых рынках и замедляют экономический рост в ИТР. После продолжительного периода острой конфронтации США и Китаем будут предприниматься умеренные шаги для частичного разрешения политического и экономического конфликта. Помимо торговой войны, между США и Китаем обостряется напряженность по поводу Тайваня. Военные операции США и Китая в Южно-Китайском море начинают новый этап политической конфронтации.

Обострение вызывают продолжающиеся территориальные споры. К примеру, столкновения между Китаем и Вьетнамом, а также споров Китая с Японией вокруг островов Сенкаку (Дяоюйдао) и др. Однако, вместе с тем, будет возрастать геополитическая напряженность по поводу спорных границ в Гималаях между такими странами, как Китай и Индия. При этом Индия опасается оказаться окруженной китайским морскими портами, которые строятся в Гвадаре, Шри-Ланке, на Мальдивах, в Бангладеш. Обостряется проблема на Корейском полуострове. Соединенные Штаты усиливают давление на Северную Корею, требуя уничтожить ядерное оружие. При этом Китай настаивает, чтобы в этом случае обе Кореи заморозили ядерные программы, чему активно сопротивляются США.

Этот сценарий предвещает новый раскол и усиление холодной войны. В данном случае небольшая политическая или дипломатическая ошибка может привести к глубокому конфликту, способному перерасти в боевое столкновение в любой из вышеописанных ситуаций. С целью противодействия политике Китая, блокирующего доступ во внутренние моря Индо-Тихоокеанского региона и оказания нажима на других региональных акторов, формат Quad (США, Япония, Индия, Австралия) становится более активным форумом стратегического планирования. В усиливающихся конфронтационных взаимоотношениях стран Индо-Тихоокеанского региона свое стратегическое положение укрепляют Соединенные Штаты, обеспечивая свое геополитическое доминирование.

Сценарий 4 – усиление глобалистских позиций США. Надо признать, что наступивший сегодня миропорядок мы называем «постбиполярным» или «поствестфальским», характеризующимся развалом Ялтинско-Потсдамской эпохи и формированием множества новых центров силы. Но хотим мы или нет, но надо признать еще один непреложный факт. Мир сегодня америкоцентричен. Ни Россия, ни Китай не вписаны в эту систему. Россия – вследствие отсутствия экономических факторов, Китай – по военным показателям. Однако положение меняется. Китай становится самым активным участником конкуренции за глобальное лидерство и ресурсы в АТР и,

более того, фактически драйвером этой конкуренции. Автор утверждает, что при этом Россия, в отличие от Китая, не является не только его конкурентом, но и конкурентом регионального рынка. Однако при этом Россия, как стратегический партнер Китая, является лишь катализатором военно-дипломатического обострения. Но, главное не глобального сдвига. Что возможно ожидать в этих условиях от внешней политики Соединенных Штатов? После распада Советского Союза все президенты США, вступая в Белый дом, всегда заявляли, что Россия является партнером и с ней необходимо устанавливать связи и «договариваться». Хотя при этом Китай никогда не упоминался ни в качестве конкурента, ни в качестве партнера. Впервые Джо Байден, как новый американский президент, сказал: «Я считаю Россию нашим противником, я действительно так думаю». Примечательно и то, что Китай, в отличие от России, он назвал «конкурентом, очень серьезным конкурентом» [2].

Исходя из других аналитических и экспертных оценок деятельности вновь избранного президента США, автор предполагает:

1. В отношении России политика Вашингтона в лучшую сторону не изменится. Более того, можно предположить, что администрация Белого дома только усилит свою санкционную политику.

2. В сложившихся условиях возможно пойдет на сближение с Китаем. Возможно будут договариваться по экономическим, политическим позициям, разменом контролируемых территорий и т.д. По крайней мере, ни США, ни Китай сегодня к прямому столкновению пока не готовы.

3. Возникает вопрос: какое место в этом предполагаемом альянсе, или партнерстве займет Россия? Можно предположить, что предполагаемы договор будет осуществлен за счет России, и Россия, как страна, которая только пытается стать геополитическим игроком в Азиатско-Тихоокеанском регионе, навсегда сойдет с мировой арены как актер международных отношений.

В качестве вывода по четвертому сценарию можно сказать следующее: в результате изложенных событий региональное доминирование Соединенных Штатов Америки в АТР, усиленное партнерскими отношениями с Китаем, станет глобальным. Сложившаяся в Азии геополитическая обстановка дает основание автору констатировать ряд положений.

Первое положение. Регионообразующий фактор играет важнейшую роль в реализации японо-американской стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», когда противодействие китайскому геополитическому влиянию в ИТР становится основополагающей в политике «Четверки» (Quad).

Второе положение. Регионообразующий фактор активно влияет на формирование всей конфигурации и политического ландшафта международных отношений Индо-Тихоокеанского региона, в том числе военно-политической составляющей.

Третье положение. Регионообразующий фактор становится ключевым в формировании новой архитектоники безопасности Индо-Тихоокеанского

региона. Наряду с отмеченными факторами необходимо признать и то, что идея, активно внедряемая в политическую практику внешнеполитических взаимоотношений Соединенными Штатами, Индией, Японией, и Австралией по реформатированию Азиатско-Тихоокеанского региона в Индо-Тихоокеанский неохотно принимается другими странами ASEAN. Необходимость в смене АТР на ИТР становится глобальной и далеко идущей целью Четверки». Однако, спустя некоторое время термин «Indo-Pacific» уже стал активно употребляться не только в научном сообществе, но и в политической практике некоторыми политиками не только Юго-Восточной Азии, но и мирового масштаба [5].

Таким образом, для сдерживания противников, к которым США причисляет Китай, Россию и Корейскую Народно-Демократическую Республику, а также доминирования в Индо-Тихоокеанском регионе Белому Дому требуется военно-политический союз с наиболее большим количеством союзников и стратегических партнеров. Главное то, что увеличение американских инвестиций поддерживает стратегическое влияние США в регионе для обеспечения благоприятного баланса сил и защиты свободного и открытого международного порядка, под которым Вашингтон понимает всеобъемлющее глобальное доминирование.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Стратегия Пентагона ориентирована на сохранение качественного превосходства американских вооруженных сил над армиями потенциальных конкурентов. Предыдущие две стратегии компенсации осуществлялись в 1950-х и второй половине 1970-х – 1980-х гг., соответственно (Прим. авт.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Боаоский азиатский форум – 2018: Двери Китая открываются шире. Председатель КНР Си Цзиньпин представил позицию Китая миру // https://www.trud.ru/article/27-04-2018/1361853_boaoskij_aziatskij_forum--2018_dveri_kitaja_otkryvajutsja_shire.html.

2. Как поведет себя Байден по отношению к России? // <http://inosmi.info/kak-povedet-sebya-bayden-po-otnosheniyu-k-rossii.html>.

3. Политика США в Индийско-Тихоокеанском регионе (к докладу Госдепартамента США) // <https://interaffairs.ru/news/show/24457>.

4. Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе: доклад Пентагона // <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/13/strategiya-ssha-v-indo-tihookeanskom-regione-doklad-pentagona>.

5. *Филатов С.* Индия: особенности национальной внешней политики // <https://interaffairs.ru/news/show/20657>.

6. *Hagel C.* Reagan National Defense Forum Keynote // U.S. Department of Defense. 15.11.2014 // https://en.wikipedia.org/wiki/File:Hagel_Reagan_Defense_Forum_2014.jpg.

7. Joint Operating Environment (JOE) 2035. The Joint Force in a Contested and Disordered World. 14 July, 2016. Paperback. September 9, 2016 // <https://www.amazon.com/Joint-Operating-Environment-Contested-Disordered/dp/1537577573>.

8. The National Security Strategy. Washington, 15 February 2015 // <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/>.

9. The National Military Strategy of the United States of America. Washington, June 2015 // <https://fas.org/man/eprint/nms-2015.pdf>.

A.A. TUSHKOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of International Relations and Law,
Vladivostok State University of Economics
and Service, Vladivostok, Russia*

A.G. OSELEDETS

*Candidate of Sciences (history),
Lecturer at the Military Training Center of the Far
Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

A.A. TUSHKOV

*Postgraduate student at the Chair of international
relations and law, Vladivostok State University of Economics
and Service, Vladivostok, Russia*

SCENARIOS FOR THE DEVELOPMENT OF THE STRATEGY OF THE FOREIGN POLICY OF THE UNITED STATES IN THE INDO-PACIFIC

The article deals with an urgent topic – the building of the US foreign policy course in the Indo-Pacific region aimed at comprehensive global domination. Such course is based on the increasing geopolitical presence of the United States in the region, including the military-political component. At the same time, the region-forming factor plays the key role in the formation of a new regional security architecture. The Pentagon's interest in the Indo-Pacific region is obvious. It is this region that is of paramount importance for the strategic plans of the military department. Due to the inextricable historical, cultural, and trade ties with the countries of the Indo-Pacific region, the United States declared itself a “Pacific nation”, giving it the determination and the right to build a new configuration of international relations.

Key words: *USA, Indo-Pacific Region, National Defense Strategy, China, Russia.*

*доктор политических наук, профессор
Северо-Осетинского государственного университета
им. К.Л. Хетагурова, Россия, Республика Северная
Осетия-Алания, г. Владикавказ*

*аспирант Северо-Осетинского государственного
университета им. К.Л. Хетагурова, Россия,
Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

В настоящей статье исследуется процесс развития неправительственных организаций в Армении. Раскрывается вопрос о том, что многие неправительственные организации Армении финансируются из американских и европейских источников, что своего рода означает их контроль со стороны Америки и Европы. Также в статье делается акцент на том, что многие неправительственные организации Армении имеют целью разжигание конфликтов между странами.

Ключевые слова: *неправительственные организации, Армения, Россия, Европа, США, урегулирование.*

В Республике Армения неправительственные организации (НПО) подобно другим постсоветским странам имеют большое влияние и достаточно распространены.

Поскольку деятельность неправительственных организаций в России в последние годы изменилась, в том числе претерпел изменения и правовой режим данных организаций, проблема деятельности данных организаций стала достаточно актуальной, в том числе и в странах постсоветского пространства.

Неправительственные организации в России не имеют желания официально регистрироваться в качестве иностранных агентов и соответственно ищут лазейки в законодательстве. Предлагается создать аффилированные коммерческие структуры, которые могли бы получать денежные средства из-за рубежа.

В настоящее время в республике Армения достаточно много НПО, которые зарегистрированы, но официально не работают.

Дипломатические представительства США, Франции, Германии и иных стран часто выделяют денежные средства на финансирование проектов в целом небольших в пределах 5-10 тысяч долларов. Основными направлениями деятельности данных проектов является охрана прав и свобод человека и гражданина, развитие средств массовой информации, научный обмен информацией и другие.

Некоторые субъекты выделяют денежные средства для того, чтобы помочь контрагентам из Армении. В основном такие организации являются международными или иностранными, которые так или иначе сотрудничают с дипломатическими представительствами своих стран или же международных организаций [2. С. 83-104].

В 2010-2011 годах для поддержки демократии сотрудники и представляющие Национальный Фонд США проводили обучение и подготовку активных лиц Армении, оказывали всевозможную помощь местным неправительственным структурам [1. С. 162-192].

В результате мы можем сказать, что гранты стабильны и их объем значительный. Они долговременны.

Неправительственные организации, которые активно функционируют, имеют спонсоров и поддержку в лице либерального законодательства и не только.

В Армении также есть такая тенденция, как тесное сотрудничество НПО с правительственными органами, которые имеют право выделять гранты.

В ходе выступления на радио «Свобода» пресс-секретарь президента Армении Арман Сагателян утверждал, что правительственные гранты находятся под четким контролем, контролируются «группой мониторинга», в которой состоят как представители администрации Президента и представители иных организаций («партнерских») [3].

В Армении также НПО участвуют во внешнеполитической деятельности. Здесь можно упомянуть об армяно-турецком «примирительном» процессе («Support Armenia – Turkey Rapprochement»), который активно финансируется в США.

США еще в 2013 году финансировали гранты в рамках программы «Экономические перспективы нормализации армяно-турецких отношений».

Также по данным СМИ известно, что большая часть финансирования проекта «SATR» была из источников американских и европейских.

Можно сделать вывод о том, что сближение армянского и турецкого сотрудничества очень активно финансируется внешне, и мнение общественности тут мало учитывается, а цель НПО – быть проводниками конкретных геополитических интересов.

Можно увидеть, что контакты и пути Армении в европейские страны идут через Турцию, но об этом не говорят, делают акцент на больших премиях сближения с Брюсселем. Также существуют отдельные органи-

зации, которые занимаются установлением связей между Арменией и Европой. Данные организации проводят свои социологические опросы.

М. Камбек очень много говорил о ратификации армяно-турецких протоколов. Также организации довольно часто меняют свои названия, но, тем не менее, цели и кадровый состав имеют постоянный.

Тут можно отметить и такой факт, что поскольку сильно внешнее влияние и системный характер, деятельность таких организаций также связана с линией армянской общественно-политической мысли, воспроизводившаяся как в Армении, так и в армянском зарубежье Европы и США на разных исторических этапах [5].

Метафора возможного будущего «примирения», активно выражаемая также и в художественном творчестве (например, средствами «важнейшего из искусств» – кинематографа), в свое время была неплохо охарактеризована на сайте miacum.am: «Армения уходит в прозападное турецкое экономико-политическое пространство, получая взамен надежду на экономическое развитие (снятие блокады) и эмоциональные компенсации» [3].

Что касается РФ, то ее деятельность в части информационной активности армянских НПО, имеет особенный характер.

Позитивные и негативные события в развитии российско-армянских отношений, СМИ представляют в максимально негативных красках. Везде пытаются усмотреть «происки Кремля».

Но тем не менее, деятельность сайтов или других СМИ, которая финансируется за счет США, остается не озвучена либо привилегированна [4].

Также, когда было объявлено о том, что цены на газ повысятся, то начался форменный приступ истерии, призванный в очередной раз возложить ответственность за происходящее на «коварных русских империалистов». В данном случае не обращалось внимания на контекст.

Естественно, настроения против России, которые создаются специальными манипуляторами, не отражают подлинных настроений в армянском обществе.

Если верить статистическим данным, то в Армении более 80% граждан выступают за установление тесных отношений с Россией. Более половины потенциальных мигрантов также ориентированы на Россию, в то время как на «благословенные» США – не более 7 процентов. Выражаем согласие, что выделяемое финансирование в большом количестве, проводимое обучение политтехнологиям также в активном виде лишь небольшой части НПО обеспечивает им огромное конкурентное преимущество перед всеми остальными [3. С. 43-60].

В итоге мы получаем – гражданское общество, которое оккупировано западными бенефициарами, ничего общего с реальным общественным мнением не имеющего.

Мы видим очень искаженное восприятие, с одной стороны – маргинальный группы, которые искусственно раздуты, а с другой стороны – большинство народа, не выражающее своего голоса.

Не приходится сомневаться и в том, что искаженный информационный контекст пытаются активно использовать в том числе, и внешние недоброжелатели Армении в целях ее «геополитического воспитания».

Так, 6 мая 2015 года перед посольством России в Ереване состоялась акция протеста группы «активистов», пришедших с плакатами, на которых, в частности, было написано: «Россия, уходи из Армении!», «Газпром, вон из Армении!», «Россия, убирайся из нашей страны!» Были и «развернутые» тезисы, такие, например, как: «Результаты российской политики повышения цен на газ – миграция, социальные, экологические проблемы. Нищета!» [4. С. 62-69].

В настоящее время между Арменией и Россией достигнут высокий уровень двусторонних отношений, что очень важно в условиях национальной безопасности республики, находящейся в сложном геополитическом окружении и имеющей неурегулированный нагорно-карабахский конфликт.

Современное государство нуждается в развитом гражданском обществе, которое могло бы адекватно воспринимать интересы РФ, долгосрочные и подлинные [5. С. 497-522].

Необходимо приветствовать деятельность неправительственных организаций, которые конструктивно настроены, имеют конкретные дела и их результаты, способствуют своей деятельностью хотя бы частичному решению стоящих перед Арменией острых социально-экономических проблем.

По мере того, как будет развиваться военно-техническое сотрудничество между РФ и Арменией, будут активизироваться и деструктивные силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (1).

2. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2.

3. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6.

4. Смирнов В.А. Проектная деятельность российских некоммерческих организаций: ключевые проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 2.

5. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Новая идеология и практика социальных услуг: оценка эффективности в контексте либерализации социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2005. № 3 (4).

B.G. KOIBAEV

*Doctor of Political Sciences, Professor
North Ossetian State University K.L. Khetagurov,
Republic North Ossetia Alania, Vladikavkaz, Russia*

A.B. NADZHARYAN

*Post-graduate student, North Ossetian
State University K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz, Russia*

DEVELOPMENT PROBLEMS OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

This article examines the development of non-governmental organizations in Armenia. The question is revealed that many non-governmental organizations in Armenia are financed from American and European sources, which kind of means their control by America and Europe. The article also emphasizes that many non-governmental organizations in Armenia aim to incite conflicts between countries.

Key words: *third sector, non-governmental organizations, civil society, democracy, Republic of Armenia.*

DOI 10.35775/PSI.2021.39.5.008

УДК 32.327

Е.А. АЛИБАЕВ

докторант Евразийского национального
университета имени Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан, г. Нур-Султан

М.Ю. ОНУЧКО

доктор философии, профессор Евразийского
национального университета имени Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан, г. Нур-Султан

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА: ВЛИЯНИЕ И РЕШЕНИЯ COVID-19

В связи с распространением COVID-19 в настоящее время произошли серьезные последствия для здоровья и продовольственной безопасности в Казахстане. Продовольственная безопасность является важным и решающим аспектом устойчивого развития страны. Сельскохозяйственный сектор в приграничных регионах является основой экономики страны и обеспечивает выживание значительной части населения страны.

Данное исследование предлагает решения, которые могут сыграть важную роль для максимального развития государственной политики продовольственной безопасности в приграничных регионах Казахстана.

Ключевые слова: *COVID-19, продовольственная безопасность, приграничные регионы, государственная политика.*

E.A. ALIBAEV

*Postgraduate student working for the
Doctoral Degree in Political Sciences at the L.N. Gumilyov
Eurasian National University, Nursultan,
Republic of Kazakhstan*

M.Yu. ONUCHKO

*Doctor of Sciences (philosophy), Professor
at the L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nursultan, Republic of Kazakhstan*

STATE POLICY IN THE FIELD OF FOOD SECURITY OF THE BOUNDARY REGIONS OF KAZAKHSTAN: THE IMPACT AND SOLUTIONS OF COVID-19

Due to the spread of COVID-19 at present time, have occurred serious consequences for health and food security in Kazakhstan. Food security is an important and crucial aspect of the country's sustainable development. The agricultural sector in the boundary regions is the basis of the country's economy and supply survival of a significant part of the country's population.

This study suggests solutions that can play an important role for the maximum development of the state policy of food security in the boundary regions of Kazakhstan.

Key words: *COVID-19, food security, boundary regions, state policy.*

The unfavorable conditions that have occurred recently have shocked the world. The consequences of the pandemic not only had a negative impact on public health, but also led to serious economic, social and political turmoils [6].

The consequences of the global pandemic have led to food scarcities, which was predicted by the World Health Organization [15]. Of course, it is impossible to talk about the consequences of the pandemic, and today's research work will not be about it. Supplying food security and solutions are in the center of attention of the whole world, and not only for a country with 30 years of independence.

To provide the reliability and consistency of the study are used data from all international organizations located in the UN including the World Economic Forum, the National Bureau of Statistics [7].

The pandemic caused by COVID-19 has damaged the entire power supply system. The impact of demand for agricultural products and food in Kazakhstan covered various macroeconomic aspects, significant instability in credit markets, exchange rates, energy sources and, above all, the growth of unemployment and a decrease in overall economic activity. Thus, according to the latest data for May-

June 2021, prices for food products increased by 1.7%, non-food products – by 0.8%, paid services-by 0.7% [1].

The impact of the global pandemic has led to a sharp increase in prices in Kazakhstan. Prices for carrots – 1.9 times, beets – 1.5 times, potatoes – 40.7%, sunflower oil – 5.6%, mutton – 2.7%, cereals – 1.8%, sugar – 1.5%, poultry meat, horse meat – 1.4%, meat products – 1.1%, alimentary products, bread – 0.8%, new-gathered fruits, tea – 0.7%. Mineral and table water get expensive by 1.3%, chilled and alcoholic beverages-by 0.9%. Prices for cucumbers – 33.2%, tomatoes – 14.2%, eggs – 13.9%, garlic – 11%, bananas – 6%, oranges – 2.9% [16]. This situation also did not bypass the boundary regions.

According to the National Bureau of statistics of the agency for Strategic Planning and reform of the Republic of Kazakhstan [1], North Kazakhstan region has a population of 542.2 thousand people, gross output increased by 99.8%, physical volume index, agriculture by 98.9% (January-May 2021 compared to January-May 2020), domestic trade by 100.1% (January-May 2021 compared to January-May 2020) [1].

Economic Research Institutes in the border regions of Kazakhstan need to create and develop a certain agricultural organizational institutional policy and structure for favorable ratio and size for Kazakhstan and the scientists in order to ensure in this direction should not only need state support, but also pay special attention to the state policy in the field of food security in the border regions, especially during the current pandemic. A.A. Yessekeyeva said that necessary level of own production of food products, the material and technical base for agriculture, as well as the food and processing industry; updating and replenishing the State Food Reserve, regardless of the impact of external and internal negative factors; compliance of the quality of food products produced and sold with state standards of quality and safety of food products; the necessary subsistence level, a decent level of healthy life and high quality of the population; creation of an effective system of management of the agricultural sector at all levels, preservation of the achieved volume and expansion of production of export-oriented

Table 1

**Inflation in the Republic of Kazakhstan. Information
from the National Bureau of statistics of the agency for Strategic Planning
and reform of the Republic of Kazakhstan**

	June 2021				January-June 2021 compared to 2020
	May 2021	December 2020	June 2020	December 2015	
Food products	1,7	6,6	10,6	59,7	10,5
Non-food products	0,8	3,9	6,9	46,1	6,0

Table 2

**Gross output of agricultural, forestry and fisheries products (services)
in the North Kazakhstan region for January-April 2021**

	Agriculture, Forestry and Fisheries	from them			Physical volume index, in %	agriculture	from them	
		agriculture	plant products	animal products			plant products	animal products
North Kazakhstan region	47 045,0	46 279,1	10,0	46 268,7	98,3	98,3	100,0	98,3
Petropavl city	657,5	617,9	10,0	607,9	70,0	68,7	100,0	68,6
Auyrtau	4 782,7	4 696,8	-	4 696,8	104,8	104,9	-	104,9
Akzhar	3 004,7	3 004,5	-	3 004,5	102,7	102,7	-	102,7
M.Zhumabayev	3 954,8	3 845,9	-	3 845,9	102,9	103,0	-	103,0
Yesil	2 992,2	2 944,4	-	2 944,4	103,3	103,4	-	103,4
Zhambyl	2 659,3	2 586,0	-	2 586,0	105,8	106,0	-	106,0
Kyzylzhar	6 283,9	6 053,8	-	6 053,4	72,6	71,8	-	71,8
Mamlut	2 219,1	2 176,7	-	2 176,7	103,4	103,4	-	103,4
Shal akyn	1 987,1	1 939,1	-	1 939,1	106,8	107,0	-	107,0
Akkainy	2 503,9	2 450,6	-	2 450,6	109,0	109,3	-	109,3
Tayynsha	8 051,8	8 049,0	-	8 049,0	107,2	107,2	-	107,2
Timiryazev	1 433,6	1 431,1	-	1 431,1	101,9	101,9	-	101,9
Ualikhonov	2 874,0	2 874,0	-	2 874,0	103,3	103,3	-	103,3
G.Musirepov	3 640,4	3 609,3	-	3 609,3	102,8	102,8	-	102,8

competitive food products; implementation of state control over food, including accounting and control of production, external and internal supplies, food stocks – can be attributed to the political interests of the state in the field of food security of the border regions [2].

Gross output of agricultural, forestry and fisheries products (services) in the North Kazakhstan region for January-April 2021.

According to preliminary estimates of the National Bureau of Statistics, the gross output of agricultural, forestry and fisheries products (services) in January-April 2021 amounted to 47045.0 million US dollars and physical volume index – 98.3% [2].

An increase in agricultural production in January-April 2021 compared to the same period in 2020 is observed in all districts of the region, except Kyzylzhar district and Petropavlovsk. Milk production in Akkayyn district increased by 17.6%, meat production in Tayynsha district – by 15.6%, milk production in Shal Akyn district – by 7.9%, meat production – by 5.8%. In animal products in Kyzylzhar district, there is a decrease in egg production by 74.5%, meat production by 18.7%, and meat production in Petropavlovsk – by 35% [14].

All over the World, Food Security is becoming the basis of national security and an important direction for the development of the agricultural sector of the economy. Without its own product, other components of national security in the country can not only lose their importance, but also collapse due to instability. And here the food security policy of the border regions should be at the forefront.

In the study, we observe the impact of COVID-19 on food security in the border regions of Kazakhstan, especially in northern Kazakhstan, and suggest ways to solve the problems that arise.

The issue of food security, as one of the most important areas of Kazakhstan's national security, has been given maximum attention by the state, but is still not protected by law.

Yes, the legal basis of food security is the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the law of the Republic of Kazakhstan dated January 6, 2012 No. 527-IV [3], the law of the Republic of Kazakhstan dated January 26, 2011 No. 400-IV [3] on amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the regulation of trade activities, the law of the Republic of Kazakhstan dated July 22, 2011 No. 474-IV [8], Although the law on amendments to the law of the Republic of Kazakhstan “on grain” is protected by the law of December 21, 2020 No. 390-VI [9], the law of the Republic of Kazakhstan on state regulation of the development of the agro-industrial complex and rural areas of July 8, 2005 N 66 [10], the law of the Republic of Kazakhstan on food safety of July 21, 2007 N 301 [11], this is not enough, as it has little direct relation to food security. Since food security is an important area of national security, it is necessary to protect and monitor it by a separate law. That is, if we do not consolidate national interests, indicators of food security, indicators of their assessment, risks and menace of ensuring food security,

strategic goals and main objectives of ensuring it in full, the main directions of state policy in the field of food security, mechanisms and organizational basis for ensuring food security, it will pose a threat to both national security and economic well-being.

This legislation will become a mechanism for the full implementation of the state policy in the field of food security, especially in the field of food security of the border regions (North Kazakhstan).

Because within the framework of this legislation, it is necessary to open research institutes in the border regions and provide guidance for the protection of the domestic market of the country, supervision and maximum development of large agro-industrial industries located in the border regions.

Thus, food security is an integral part of economic well-being and the main direction of national security of any state. It should be remembered that food security is a priority area of state policy, as it covers a wide range of national, economic, social, demographic and environmental factors.

Suggestions:

- Food Program: social and food security programs, especially in border regions, need to be carefully expanded to provide food and basic necessities to households with significantly reduced incomes. Barrett [12] also noted the need for such actions, reflecting the sharp increase in food prices that occurred in 2008 and 2011;

- It is necessary to have a law of the Republic of Kazakhstan on food security that regulates and controls food security in the country;

- It is necessary to open a Research Institute in North Kazakhstan, which will implement the state policy in the field of food in the border regions.

Conclusion. The population of each state should be able to fully meet their social needs for a full life. Therefore, all developed countries, in order to ensure social stability and security, regulate the situation on the food market, put the solvency, the demand of food buyers and the provision of economic assistance to domestic farmers in the first place. An important feature of the market economy, the degree of development of any country, will be a high level of production of means of life, ensuring food security in the border regions.

The restrictive measures taken in connection with the global pandemic pose a serious threat to food security. It should promptly plan to strengthen its potential in the agricultural sector by providing the population with the necessary funds for survival through the implementation of new programs and reforms [13].

Thus, food security in the border regions is the state of Human Security, which is determined by the level of development of the agricultural sector of the economy. At the same time, food security is an integral part of the country's national, political and economic security.

It is expected that the developed proposals will update the state policy in the food sector and revive the national economy in the border regions of Kazakhstan.

REFERENCES:

1. Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan. Bureau of National statistics // <https://stat.gov.kz/news/ESTAT422433>.
2. Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan. Bureau of National statistics <https://stat.gov.kz/region/264023>.
3. Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan. Bureau of National statistics https://stat.gov.kz/region/264023/statistical_information/industry/5914.
4. *Barrett C.B.* 2020. Actions now can curb food systems fallout from COVID-19. *Nat. Food.* 1, 319-320. <https://doi.org/10.1038/s43016-020-0085-y>.
5. Deciphering the impact of COVID-19 pandemic on food security, agriculture, and livelihoods: A review of the evidence from developing countries Endashaw, Joby Mackolil, Joan Nyika, Sendhil Ramadas <https://doi.org/10.1016/j.crsust.2020.100014>.
6. *Endashaw, Joby Mackolil, Joan Nyika, Sendhil Ramadas.* Deciphering the impact of COVID-19 pandemic on food security, agriculture, and livelihoods: A review of the evidence from developing countries.
7. Food and Agriculture Organization, 2020. Addressing the Impacts of COVID-19 in Food Crises | April-December 2020: FAO's Component of the Global COVID-19 Humanitarian Response Plan. <https://doi.org/10.4060/ca8497en>.
8. Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, Institute of legislation and legal information, Legal information system of Regulatory Legal Actsof the Republic of Kazakhstan. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1200000527>.
9. Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, Institute of legislation and legal information, Legal information system of Regulatory Legal Actsof the Republic of Kazakhstan. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1100000400>.
10. Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, Institute of legislation and legal information, Legal information system of Regulatory Legal Actsof the Republic of Kazakhstan. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1100000474>.
11. Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, Institute of legislation and legal information, Legal information system of Regulatory Legal Actsof the Republic of Kazakhstan. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2000000390>.
12. Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, Institute of legislation and legal information, Legal information system of Regulatory Legal Actsof the Republic of Kazakhstan. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z050000066>.
13. Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, Institute of legislation and legal information, Legal information system of Regulatory Legal Actsof the Republic of Kazakhstan. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z070000301>.
14. *Yesekeyeva A.A.* Food security as an economic category and its role in ensuring national security // *Bulletin of the Treasury. The legal series.* 2014. № 3 (71). <https://doi.org/10.1016/j.crsust.2020.100014>.
15. <https://doi.org/10.1016/j.crsust.2020.100014>.
16. <https://stat.gov.kz/news/ESTAT422433>.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблематика социокультурных особенностей различных обществ, в частности локальных цивилизаций представляется актуальной в контексте современных процессов, которые представляют собой изменение базовых принципов существования сообществ на современном этапе. Традиционные институты и отношения проявляют все большую взаимосвязанность как с новейшими практиками, так и с явлениями, которые можно считать источниками. Социокультурные практики в рамках процесса глобализации и обратного процесса регионализации становятся отправной точкой в изучении властных отношений. Современная Россия не является элементом, исключенным из подобной взаимосвязи, поэтому исследование социокультурных корней происходящих явлений властных отношений наиболее актуальная и острая проблема.

Ключевые слова: «цивилизация», локальная цивилизация, общественный процесс, власть, особенности политического процесса, западно-ориентированный подход.

Важнейшим основанием социально-политической модернизации, в которой несомненно нуждается современная Россия, становятся социокультурные аспекты политической власти и ее потенциального транзита в условиях развития русской локальной цивилизации. При этом необходимо отметить, что особенностью русской локальной цивилизации становится не просто ценности и их источники, как социальные группы, так и политические объединения, но и присутствующая многоукладность [1. С. 112] и многоуровневость смыслов. Соответственно наблюдается смешение политических практик как исторических образцов, так и разнородных внешних и внутренних национальных. Доминирование же политической жизни и политизированность общества в целом, приводит к необходимости рассматривать формирующий аспект политики, то есть социокультурный аспект, как веду-

щий в политическом процессе. Политическая культура, формировавшаяся под влиянием различных тенденций таких как, например, попытки привести систему в состояние унификативной западной модели, а ригид привели к усилению той самой культурной разнородности и конфликтному состоянию системы. В этой связи важно рассмотреть такие элементы как общественно-властный консенсус, возможности модернизации политической системы, конфликтный потенциал развития отношений, а также фактор коррупции и протестный дискурс, а также особенности формирования существующих представлений о властных процессах в современной России.

Так как транзитарный тип политической культуры предполагает дефрагментацию и нестабильное поведение акторов и субъектов, то главной задачей власти становится налаживание такого консенсуса с обществом, где конфликтный потенциал будет нивелирован. Существующие процессы говорят о том, что шаги, которые делаются в этом направлении чаще являются реакцией постфактум на ряд прецедентов. В рамках существующей политической культуры такая схема противодействия распространению дестабилизации малоэффективна, и должна быть упреждающей, а не отражающей.

При развитии процессов отторжения и усиления социальной дифференциации, ослабевает консенсус, возрастает конфликтный потенциал, при этом модернизация становится двунаправленным процессом, в котором управленческая практика совершенствуется, а развитие гражданских институтов отстает. Подобная ситуация разворачивалась особенно активно в 90-е годы XX века в России. Современная же ситуация во многом наследует закреплённые в тот период схемы поведения власти и общества. Поэтому социокультурные аспекты властных отношений представляют собой усложнённую схему, развивающуюся под влиянием как изменяющихся условий, так и усвоенных ранее ценностных и культурных ориентаций.

Некоторые ученые склонны считать, что подобная картина развития событий отражает процессы архаизации сознания общества, а, следовательно, и политической практики, и институтов. Так, например, ученые А.П. Ситников и М.К. Филиппова в своей работе: «Архаизация, традиционализация и модернизация в социокультурной трансформации российского общества» утверждают, что базовые свойства институций сохраняются при трансформации, так как архетипические коды и базовые сценарии не подвергаются изменениям [3. С. 45]. Новые же традиции, по их мнению, должны стать органичной частью реальности социума, и только так и тогда станут элементами воспроизводимого поведения, а, следовательно, образом мысли.

Подобные воззрения можно обнаружить и в изысканиях классических философов, таких как А. Шюц [5. С. 89]. Согласно его теории, национальная психология представляет собой укоренившийся комплекс явлений, а развитие социальных структур и событийность только отражают в деятельности явления психической природы нации. Подобное мнение имеет под собой

достаточной оснований, но в реальная практика несколько усложняет данную модель. Относительно возможности и невозможности изменить архетип и поведение социума, стоит также рассмотреть такие феномены, как коррупция и отношение к материальному, то есть на современном этапе его финансовому состоянию.

Зачастую власть и ее материальное выражение в деньгах, особенно остро проявляется в связи с феноменом коррупции. В современном мире данная проблема стоит наиболее остро, так материальное благополучие в капиталистическом обществе становится не просто частью властных отношений, но и смыслом жизни общества в целом и каждого индивида в частности. Социальное поведение зависит от разницы потенциалов разных лиц, в том числе в сфере имущественных отношений. Деньги в этой связи становятся феноменом духовным и приобретают архетипическую сущность [2. С. 50]. В традициях русского народа, богатство и власть зачастую связаны с представлениями о потустороннем, о негативной, темной стороне бытийности, поэтому обесценивание материального, при этом стремление к достижению социального успеха уважения создает ситуацию двойственности. В этом ключе феномен коррупции как своеобразного всеохватывающего греха общества трактуется с одной стороны, как необходимое зло, без которого не обходится не один процесс, с другой как социальная болезнь, которую необходимо искоренять. Учитывая потенциальный властный кризис при транзите власти, такое отношение к данному феномену может привести к возможным конфликтам. Кроме этого власть всегда связана с принятием на себя субъектом властных отношений ответственности и обязанностей, связанных с благополучием коллектива не только внутриэлитарного, но в целом, всего общества. Коррупция же как феномен размывает границы и представления о такой ответственности, что негативно сказывается на имидже власти.

В этой связи еще одним социокультурным феноменом становится протест и представление о сопротивлении как властному субъекту, так и пространству этого субъекта [4. С. 266].

Противоречивость образа власти где мифологические события и практическое отрицание современной реальности переплетается с упорным нежеланием участвовать в социальной и политической жизни, становится катализатором не только культурной идентификации, но и маркером кризисных явлений в политическом пространстве. При этом меняется не только форма властных отношений и самой власти как таковой, но и реакции общества на властный и политический процесс. Отрицать данную динамику, невозможно. Не смотря на архетипически закрепленные образцы поведения, общество меняет стратегию поведения, которая еще не является цикличной чтобы точно осознавать, как именно она будет развиваться. В этом ключе протест представляется системой противодействия разрушительных для общества инициатив с одной стороны, с другой – способом опосредо-

ванно донести до субъектов управления те рамки и меры, которые имеют диапазон, в плане же воздействия это способствует развитию более мягких, но более точных действий и реакции со стороны власти и элит.

Таким образом можно сделать вывод, что, исследуя феномен социокультурных аспектов властных отношений в современной России, стоит учитывать целый комплекс феноменов как архетипического порядка, так и развитие реакций общества и власти на меняющуюся реальность внутри и вовне страны. Кроме этого, существование динамики политического процесса накладывает отпечаток на смену специфических черт, присущих властным отношениям и субъекту, равно как источнику власти в виде ресурса и легитимации. Но при этом важно стоит учитывать особые формы представлений о происходящих событиях, как среди властных элит, так и общества в целом.

Важным фактором по-прежнему остается многоукладность и рыхлость как представлений о политической практике, так и отсутствие четких ориентиров общества в ценностном отношении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Пеньков В.Ф. Аксиологические аспекты «сильного государства»: политико-правовое и социокультурное измерение // Право: история и современность. 2019. № 1.

2. Романова К.С. Дискурс власти и денег // Социум и власть. 2011. Т. 3. № 31.

3. Ситников А.П., Филиппова М.К. Архаизация, традиционализация и модернизация в социокультурной трансформации российского общества // Гуманитарий юга России. 2021. Т. 10 (47). № 1.

4. Шапинская Е.Н. Формы сопротивления власти в постсовременных культурных пространствах // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5.

5. Щюц А. Методология социальных наук // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.

A.A. NIKOLENKO

*Graduate Institute of law and administration
of the Vladivostok State University of Economics
and service, Vladivostok, Russia*

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF POWER RELATIONS IN MODERN RUSSIA

The problems of socio-cultural features of various societies, in particular local civilizations, seem relevant in the context of modern processes that represent a change in the basic principles of the existence of communities at the present stage.

Traditional institutions and relations are becoming increasingly interconnected both with the latest practices and with phenomena that can be considered as sources. Sociocultural practices within the process of globalization and the reverse process of regionalization become the starting point in the study of power relations. Modern Russia is not an element excluded from such a relationship, therefore, the study of the socio-cultural roots of the ongoing phenomena of power relations is the most urgent and acute problem.

Key words: «civilization», local civilization, social process, power, features of the political process, Western-oriented approach.

старший преподаватель кафедры политических наук и философии Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, Россия, г. Севастополь

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются этнодемографические тенденции в современном болгарском обществе с точки зрения их воздействия на болгарское национальное геополитическое сознание. Показывается, что Болгария занимает первое место в мире по темпам снижения численности населения, происходит депопуляция обширных регионов страны, а этнический состав болгарской нации демонстрирует устойчивую тенденцию к уменьшению доли в ней болгарского этноса. При этом доля турецко-мусульманского и цыганского меньшинств в структуре населения стремительно растут, они пользуются финансовой и политической поддержкой Турции и США и сосредотачиваются в районах компактного проживания, вытесняя оттуда этнических болгар. Значительная часть этих меньшинств отчуждаются от Болгарии и отказываются интегрироваться в многосоставную болгарскую нацию. В такой ситуации не исключена «македонизация» или – как наиболее негативная возможность – реализация какого-либо варианта «косовизации» Болгарии.

Ключевые слова: этнодемографические тенденции, болгарская нация, болгарская геополитика, турецко-мусульманское и цыганское меньшинства, Главный муфтият Болгарии, Движение за права и свободы, Дианет, Турция.

Выстраивание оптимальной внешней политики России в Черноморском регионе и на Балканах требует учета специфики происходящих там сложных этногеополитических процессов, многие из которых остаются на периферии внимания российских политиков и ученых. Отношения России с Болгарией достаточно сложны как сейчас, так и в прошлом, поэтому исследование ключевых факторов, определяющих логику болгарского геополитического мышления, представляет значительный интерес. К таким факторам сегодня, безусловно, относится длительный этнодемографический кризис, ставящий под угрозу само существование болгарской нации. Это

определяет цель данной статьи – раскрыть влияние кризисных этнодемографических тенденций на современное болгарское национальное геополитическое сознание.

Показательно, что после четверти столетия «активной интеграции» в евроатлантические и европейские структуры Болгария не может похвастаться какими-либо значительными положительными результатами. Болгары – самая исчезающая нация, а Болгария – самая бедная страна в ЕС, при этом с огромным социальным неравенством и с самой низкой продолжительностью жизни в Евросоюзе – 71,3 года для мужчин, а для женщин – 78,4. В ней исчезают целые областные центры – Видин, Ловеч, Хасково (где, помимо прочего, существует огромный дефицит базовой социальной инфраструктуры, обеспечивающей качество жизни). Согласно данным Всемирного банка, Болгария имеет самый низкий ВВП в ЕС. (Болгария – 7 612 долл., Румыния – 9 530 долл., Хорватия – 13 807 долл. К тому же Болгария – самая коррумпированная страна ЕС. Согласно официальной переписи населения 2011 г., около 15% болгарского населения являются неграмотными или полуграмотными. В 2018 г. она оказалась первым председательствующим в Совете ЕС с мониторингом коррупции, судебной системы и организованной преступности – мониторингом со стороны того же Союза, в котором она председательствовала, – и это стало примечательным явлением. Наконец, страна занимает последнее место в ЕС по всем основным экономическим, технологическим, социальным, демографическим и другим показателям. Как справедливо замечает К. Методиев, «в тот момент, когда мы являемся последними в ЕС по всем ключевым показателям, мы не можем претендовать на какое-либо серьезное участие, вес или роль в Европейском союзе. Нет такой логики, нет прецедента в мире» [12].

Нынешние демографические тенденции крайне неблагоприятны, и если они сохранятся до 2050 г., они радикально и необратимо изменят демографические характеристики Болгарии. Именно она ныне является страной, быстрее всего создающей демографический вакуум в Европе (средняя демографическая плотность после 1985 г. снизилась с 82 до 65 человек на кв. км). С 1985 г. официально зарегистрированное население страны сократилось примерно на 1,6 миллиона человек (около 18%), а неофициальные данные свидетельствуют об оттоке около 2,5 миллионов человек (23%). При этом соотношение рождаемости и аборт составляет почти 2:1, а коэффициент младенческой смертности в последнее десятилетие составляет 8-10%, что примерно вдвое выше, чем в среднем по ЕС. Страну покидает большое число женщин детородного возраста, одновременно растет число образованных интеллигентных женщин детородного возраста, не имеющих детей. Уровень рождаемости выше среднего именно в необразованных группах населения с низким доходом и плохими условиями для воспитания детей (в основном речь идет о национальных меньшинствах, прежде всего ромов).

Болгария занимает первое место в мире по темпам снижения численности населения – 27,9% за 35 лет. Соседняя Румыния занимает второе место с 22,1%, население Греция снизилось на 11,4%, а население Сербии – на 17,2%. По прогнозу ООН, население Болгарии к 2050 г. сократится на 27,9% с 7,150 млн. (на 2015 г.) до 5,153 млн. в 2050 г. и 3,4 млн. в 2100 г. [4]. Если в 1950 г. средний возраст населения Болгарии составлял всего 27,3 года, то сейчас он достиг 43,5 года и будет продолжать расти до 47,1 года в 2030 г. и до 47,8 года в 2050 г. К концу века население Болгарии сократится вдвое, но болгары не исчезнут. Демографическая картина в соседних балканских странах не лучше. К 2050 г. население Румынии сократится на 22,1%, в Сербии – на 17,2% (в эту цифру также входит Косово), в Боснии и Герцеговине – на 19,5%, в Хорватии – на 16,2%, в Македонии – с 2 078 до 1 487 млн, в Греции – с 10 955 до 7 393 млн. Демографическое давление Албании на полуострове также будет уменьшаться и через 2-3 десятилетия исчезнет [7].

Происходит депопуляция обширных регионов страны, которые уже привлекают внимание внешних держав, поскольку они имеют благоприятные природные и климатические условия для сельскохозяйственной и промышленной деятельности. Видин, Ловеч, Монтана и Смолян относятся к числу областей, где проявляются наиболее негативные последствия депопуляции. С 2001 г. более 100 деревень были «удалены» с административной карты страны. В каждой пятой деревне проживает менее 50 человек. При переписи 2011 г. в 181 населенных пунктах вообще не было учтенных лиц, т.е. там нет населения. Для сравнения: на конец 2004 г. населенных пунктов без населения было 144, т.е. за 5 лет их число увеличилось на 37, в среднем это 5,4 обезлюдненных населенных пунктов в год.

Этнический состав болгарской нации демонстрирует устойчивую тенденцию к уменьшению доли в ней болгарского этноса, который в 2011 г. составлял чуть более 5,6 миллиона человек или около 84% от общей численности населения страны. Две другие основные этнические группы – турецкая и цыганская – имеют тенденцию к росту, причем особенно заметны цыгане, которые, согласно официальной переписи населения 2011 г., составляют 325 343 чел. и почти 5% населения, а неофициально более 750-800 тысяч (для сравнения: в 1900 г. – 2,4%, в 1956 г. – 2,6%). Изменение баланса является результатом различных причин, главной из которых является рождаемость – для болгар она в два раза ниже, чем для турок, и в четыре раза, чем для цыган. Для них традиционно характерны высокие репродуктивные установки. «Высокая концентрация болгарской этнической группы в Софии и еще в 3-4 городах создает у этой части населения неправильное представление о реальной ситуации в стране и в муниципалитетах, где преобладают меньшинства. Государство не принимает никаких мер для информирования молодежи о долгосрочных негативных и крайне тревожных демографических тенденциях» [4].

К 2050 г. этнический состав ожидается следующим: болгары – 3 млн, турки – 1 млн, рома – 2 млн, другие – 0,5 млн, т.е. болгары будут составлять 45-47% – менее половины населения Болгарии. Согласно более радикальной версии, «при длительном сохранении текущих тенденций численность болгарского этноса будет постепенно уменьшаться до третьего по величине меньшинства – от 25 до 30% населения в различных демографических сценариях к 2050 г., а к концу столетия она упадет ниже 20%». Это означает, что Болгария движется к новой этнической структуре с уменьшающейся, стареющей и исчезающей христианской общиной. Болгарские аналитики и общественные деятели в связи с этим выражают обеспокоенность чрезвычайно возрастающими рисками радикализации, насилия и хаоса: «Давайте вспомним Кипр, Косово, Боснию, Ливан. Мы являемся свидетелями аналогичного процесса на продвинутой стадии в Македонии» [4]. В связи с этим болгарские интеллектуалы обращают внимание на «отсутствие эффективной государственной демографической политики и адекватного поведения гражданского общества по демографическим проблемам и вызовам» [4].

Углубляющийся демографический кризис угрожает национальной безопасности самым непосредственным образом, поскольку создает угрозу генофонду определяющего национального компонента болгарской нации – болгарского этноса, и тем самым наносит удар по основам ее существования. Он связан с волнами эмигрантов, которые обескровили ее в течение последних 20 лет, ограничивая возможности для «биологического» и «интеллектуального» воспроизводства. Этот процесс показывает, что болгарская нация теряет свою «власть», что она не сможет воспроизвести себя как «болгарскую» и сохранить болгарскую целостность и болгарскую идентичность нации, населяющей страну Болгария. Поэтому ослабление болгарского этноса равносильно делегитимизации и разгосударствлению болгарства, болгарского и Болгарии.

В такой ситуации не исключена «македонизация» или – как наиболее негативная возможность – реализация какого-либо варианта «косовизации», т.е. «распаковки» страны. В связи с этим, по данным опроса «ALPHA-Research» (март 2020 г.) 20,2% болгар считают, что большинству турок доверять нельзя. В отношении цыган показатель недоверия зашкаливает, достигая 80,2%, уважают их лишь 4,2%, а в открытой ненависти к ним признались 21,6% респондентов (и лишь 4,9% – к туркам). Только 0,8% согласились бы на брак с лицом цыганской национальности, 3,2% – с турком или турчанкой, а иметь цыган друзьями согласны 9,4% опрошенных (турок – 37,9%). Для 47,5% вообще неприемлемо жить с цыганами в одном государстве (с турками – 14,2%) [13].

Турецкая этническая общность сконцентрирована в основном в районах Кырджали и Бургас на юге и в нескольких районах северо-востока Болгарии, с относительной долей населения в этих регионах от 40 до 65%. Бол-

гарские турки выступают в качестве лидера других мусульман – помаков, исламизированных и отуреченных цыган, других небольших этнорелигиозных общин (татары, черкесы, арабы и т.д.). Данные последней переписи населения в Болгарии (2011 г.) показывают, что турки являются единственным недисперсионным меньшинством в стране, 62,3% который предпочитает жить в чисто мусульманских поселениях, и что 63,7% из них проживают в областях Кырджали, Разград, Тырговиште, Шумен, Силистра, Добрич, Русе и Бургас (т.н. «смешанные районы»). Особенно драматичной является ситуация в Кырджалийской области, в которой единственным поселением, где преобладает болгарский этнический элемент, остался областной центр, но и он управлялся мэром-турком в течение многих лет, а демографическая динамика показывает, что исламизация Кырджали является вопросом краткосрочной перспективы. В последние четверть века около четверти этнических болгар продали свою собственность в Кырджали и навсегда покинули регион, поскольку болгарское государство не гарантировало их безопасность. Турция стремится манипулировать мусульманами в Болгарии всеми способами, в течение долгого времени она периодически вызывала волны эмиграции, принимая значительные массы поднятого и в основном молодого, образованного и квалифицированного болгарского населения (своего рода «налог на кровь»). Анкара удачно локализирует мусульманские общины в Болгарии в малонаселенных мусульманских поселениях, по возможности – в малонаселенных приграничных районах страны.

Цыганское население типично для северных областей Болгарии. Территориальное распределение ромов, согласно данным НСИ из переписи 2011 г., показывает, что наибольшую долю имеют области Монтана – 12,7% и Сливен – 11,8%, далее следуют Добрич – 8,8%, Ямбол – 8,5%. Около половины (55,4%) лиц, названных ромами, проживают в городах. Плохие жилищные условия в районах проживания ромов и их локализация указывают на пространственную изоляцию и формирование т.н. ромских гетто. По крайней мере 1/4 всех жилищ в этих районах были построены незаконно (Roma in Bulgaria, 2008). 40% цыган живут в домах без водоснабжения, используя воду из внешних / уличных фонтанов или колодцев, 60% домов цыган не подключены к центральной канализационной системе, и 80% из них не имеют туалета. В каждом втором доме цыган нет ванной комнаты [15]. Вместе с тем, обращается внимание и на то, что в обстановке глубокой дезинтеграции болгарского общества происходит усиление агрессивности в поведении ромов в небольших населенных пунктах. Болгары, живущие там в настоящее время, подвергаются постоянным преследованиям и дискриминации [4].

Концентрация и преобладание этнических меньшинств с религиозной принадлежностью в крупных, в некоторых случаях приграничных регионах, отличных от болгарской этнической группы, на данном этапе приводит

к территориальной и языковой (как в цыганских общинах), а также управленческой (цыганские «цари» и «бароны», их собственные «мешере» и т.д.) «автономизации» и деболгаризации страны и, следовательно, частичной потере суверенитета центральной государственной власти в этих регионах. Внешний результат этой автономии – обострение appetитов соседних стран к территориальной целостности Болгарии. Турция и США прямо или косвенно оказывают поддержку основным этническим меньшинствам в стране – турецкому и цыганскому, соответственно. На основе идей исламского единства и неоосманизма Турция проводит курс на возрождение Османской империи, периодически инициируя открытые провокации против соседних стран, такие как публикация весной 2013 г. в газете «Миллият» скандальной карты Новой Турции, в которую входят, как часть ее, регионы со значительным турецко-мусульманским населением, охватывающие почти треть территории Болгарии. Тогда комиссар ЕС по региональной политике Йоханнес Хан, который, скорее всего, также выражал позицию Европейской комиссии, заявил, что необходимы срочные меры для противодействия этим и другим аналогичным амбициям (например, «массовому», по его словам, приобретению недвижимости гражданами стран, не входящих в ЕС, в основном россиянами), поскольку это угрожает не только территориальной целостности и суверенитету Болгарии, но и ЕС. При этом Й. Хан бесцеремонно заявлял, что крайне необходимо, чтобы ЕС «защищал свою территорию», несмотря на болгар, и в ближайшие годы «ввез» в Болгарию с помощью различных механизмов около 10 млн западноевропейцев, которые должны взять экономическую и политическую власть в стране [2].

Демографический кризис болгарской этнической группы создает предпосылки для формирования амбиций на этнорелигиозной основе для оспаривания ее места в политической структуре страны, что ведет к возникновению этнической напряженности и конфликтов. Не менее опасным является предоставление односторонних групповых преимуществ, что создает предпосылки для того, чтобы эти группы «идентифицировали себя» как отличных от других и стремились к независимости, консолидации и поиску «надлежащего» места в этнорелигиозном и политическом пространстве. Это также провоцирует противоположную «регулярную» реакцию основной (болгарской) этнической группы на такие предпочтения («не платить за электричество» или «строить» дома без надлежащих разрешений, как наиболее элементарные примеры), что способствует восприятию и утверждению ксенофобских и ультранационалистических политических и идеологических платформ и практик. 4,6% опрошенных «ALPHA-Research» (март 2020 г.) считают, что меньшинства должны быть изолированы в специальных местах или выселены (к цыганам предлагают применить эту практику 89,6%), 14,3% считают, что они не должны сохранять свой бытовой уклад, язык, культуру и традиции, большинство же (64,1%) полагает, что

им не следует ни специально помогать, ни препятствовать. Примечательно, что 17,6% респондентов считают, что только восточноправославные христиане могут считаться истинными болгарами (однако среди избирателей партии «Атака» этот тезис разделяет 42,9%, среди избирателей ВМРО – 31,8%, БСП – 25,6%). Примерно такая же часть опрошенных (17,8%) полностью оправдывают «возродительный процесс», 34,2% считают его правильным действием, но осуществленным неправильным путем, и лишь 15,2%, в основном жители столицы, называют его «преступлением коммунистического режима». Любопытно, что отношение болгар к католикам и армянам значительно лучше, чем к протестантам: показатель уважения к ним – 20,4%, 19,6% и 13,3% соответственно (даже к мусульманам отмечается более высокий уровень уважения – 16,6%, а по доверию к ним протестанты на последнем месте – 41,2%) [13].

Весьма важным дестабилизирующим результатом демографического кризиса национальной безопасности является угроза военной безопасности страны, что проявляется в снижении способности пополнять вооруженные силы из-за падения рождаемости и старении населения; снижении эффективности и боеспособности армии, вызванном утечкой умов, и снижении уровня образования военнослужащих; невозможности, особенно в приграничных районах, организации территориальной обороны страны, связанной как с депопуляцией, так и с изменением национальной идентификации населения крупных регионов Болгарии.

Угрозы экономической безопасности государства не менее важны, поскольку они охватывают все аспекты экономической жизни и экономического воспроизводства. Наиболее значительными негативными тенденциями здесь являются ожидаемое сокращение производства товаров и услуг из-за сокращения рабочей силы и сокращения потребления, снижение конкурентоспособности болгарской экономики в результате утечки умов и снижения уровня образования и квалификации, усугубляющаяся нагрузка на социальные фонды, и как общий результат – экономическая дестабилизация страны и ее маргинализация [11].

В настоящее время существенно возросла угроза демографической безопасности Болгарии в связи с миграционным давлением на Европу. Болгария наряду с Грецией является воротами восточно-средиземноморского миграционного пути в ЕС. В основном по нему движутся мигранты с Ближнего Востока, а также люди с Ближнего и Дальнего Востока и Северной Африки. Новый черноморский миграционный маршрут также проходит вблизи территории Болгарии. В связи с этим отмечается явная тенденция к увеличению опасений болгар по поводу миграции, чему способствует этнорелигиозная структура потока иммигрантов. Доля воспринимающих иммигрантов как угрозу безопасности, выросла с 55% в 2013 г. до 79,4% в 2016 г. Кроме того, доля людей, считающих, что беженцы несут риск для здоровья местного населения, увеличилась с 68% до 75%.

По данным опроса, проведенного в июле 2016 г. Центром исследований тенденций, террористические акты определили, как угрозу безопасности Болгарии 85% респондентов; радикальный ислам – 84%; кризис беженцев – 82%; «новый мировой экономический кризис» – 79%; турецкое влияние – 66%; «новое столкновение между США и Россией» – 51%; «российскую агрессию» – 26%. Таким образом, миграционный кризис был назван в числе трех наиболее серьезных угроз национальной безопасности, наряду с терроризмом и распространением радикального ислама. Все три эти проблемы связаны с Ближним Востоком, сопровождаясь выдвиганием на передний план темы «турецкого влияния» [16].

Действительно, в последние десятилетия произошел стремительный взлет болгарских турок от статуса угнетенного нацменьшинства до правящей в Болгарии силы, что является одним из самых удачных примеров лоббинга в мировой политической истории. Радикальному пересмотру позиции софийских властей относительно турецкой общины способствовали резкое улучшение отношений Болгарии и Турции в постсоциалистический период, интеграция Болгарии в НАТО, курс Болгарии на евроинтеграцию и обязательства перед ЕС относительно соблюдения прав нацменьшинств. Стоит отметить, что должностные лица НРБ и БКП, руководившие «возродительным процессом», подверглись в 90-е гг. судебным и политическим преследованиям. Болгарские власти даже приносили «извинения» Турции за т.н. «возродительный процесс», не получив даже намека на сожаление по поводу совершенных османами убийств и других преступлений в завоеванной Болгарии.

Политическим формированием болгарских турок является созданное 4 января 1990 г. либеральное «Движение за права и свободы» (ДПС), которое стало продолжением Демократической лиги в защиту прав человека. Ее членами являются почти исключительно турки и помаки. Основателем и бессменным лидером ДПС является Ахмед Доган (в болгарском варианте Меди Доганов, с 1974 г. – агент Госбезопасности при МВД НРБ). Большинство болгар встретило появление ДПС враждебно. Фраза Догана «Путь Болгарии в Европу лежит через Босфор» и его тесные связи с Турцией постоянно делают его мишенью антитурецкой пропаганды националистических болгарских формирований. На выборах в июне 1990 г. ДПС завоевала 23 места в 400-местном болгарском парламенте. В 1991 г. соратник Догана Адем Кенан вышел из ДПС, основав Турецкую демократическую партию, которая проповедует радикальные пантюркистские взгляды. По мнению Кенана, Болгария должна разделиться на турецкую и болгарскую автономии со своими официальными языками, символикой и столицами. Радикальный национализм Кенана на практике принес дивиденды ДПС, сделав ее сравнительно более «приемлемым» партнером. По итогам выборов 2001 и 2005 гг. ДПС входила в коалиционные правительства, ее представители назнача-

лись губернаторами Благоевградской области (одной из наиболее уязвимых и чувствительных с точки зрения национального вопроса), Пловдивской области (после того, как ДПС там собрал менее 1% поддержки на парламентских выборах) и даже в Софийской области (с относительно небольшим влиянием ДПС). Но политические успехи ДПС и его постоянное присутствие в органах власти вовсе не означали улучшения экономического положения турок и других групп мусульман в Болгарии [3].

В 1990 г. был учрежден также институт муфтия – духовного предводителя турок Болгарии. Функционируют различные поддерживаемые Турцией фонды, как, например, фонд «Прямую дорогу гражданам Болгарии турецкого происхождения», который спонсирует образовательные проекты с исламистским уклоном [14]. После кризиса в отношениях между ДПС и официальной Анкарой ее представители принимали прямое участие в создании партии «Демократы за ответственность, свободу и толерантность» (ДОСТ) в качестве альтернативы мятежному ДПС. Турция систематически пытается определять волеизъявление болгарских мусульман, каждый раз указывая на предпочтительную партию болгарских турок на выборах в Болгарии и прибегая к вовлечению болгарских переселенцев в Турции в т.н. «электоральный туризм».

С 1992 г. преподаватели турецких школ Болгарии проходят переподготовку в Турции. Издаются многочисленные газеты и журналы. Существует турецкое радиовещание, а октября 2000 г. и ежедневный телеэфир. В Турции организуется летний отдых живущих в Болгарии турецких детей, в ходе которого дети изучают Коран, турецкую литературу, историю Турции и турецкий язык. В Софии действует Исламский институт, в городах Русе, Шумен и Местанли – мусульманские религиозные школы, за 1990-2004 гг. в Болгарии построено 150 мечетей, общее число мечетей достигло 1150, причем старые мечети реставрируются за счет государственных субсидий.

Бросающаяся в глаза активизация турецкой партии вызвала в Болгарии двойственное отношение. В условиях евроинтеграции значительная часть болгар считает, что теория о «захвате Болгарии турками» утратила актуальность. Система общей безопасности и политики ЕС действительно создает серьезные гарантии для этого балканского государства, минимизируя вероятность «Кипрского сценария», когда, воспользовавшись политическим кризисом 1974 г. на Кипре, Турция ввела свои войска на остров, оккупировав его северную часть, населенную главным образом киприотами-турками. В 1983 г. на этой оккупированной Турцией территории была провозглашена Турецкая республика Северного Кипра, признанная только Анкарой и поддерживаемая по сей день с помощью 30-тысячной турецкой армии. С другой стороны, неоспоримо, что Анкара будет стремиться сохранить в зоне своего влияния болгарских этнотурок, и их деятельность может получить управляемый характер. Сегодня в Турции к болгарским туркам относятся

так же, как к киприотам-туркам, о чем свидетельствует, например, запуск в январе 2017 г. турецкой торговой компанией «Ваурак серети» на рынок «флага болгарских турок», напоминающего флаг киприотов-турок.

Болгарские власти санкционировали вмешательство ДПС в религиозные дела мусульманской общины и право принимать решения по проблемам, связанным с исламской религией, а также позволили болгарским гражданам турецкого этнического происхождения попасть под влияние «мягкой силы» Турции, создав условия для вмешательства иностранных политических сил в политическую жизнь государства. При этом Болгарии удалось избежать столкновений, вооруженных конфликтов и военных действий на этнической и религиозной почве, происходящих на территории бывшей Югославии, в связи с чем была выдвинута идея «уникальной болгарской этнической модели». Болгарию стали изображать «островком спокойствия на Балканах». Европейские страны изучают болгарский опыт и поддерживают политику болгарского правительства в отношении этнических и религиозных общин. Между тем со времени начала демократических изменений до сегодняшнего дня в Болгарии идет широкомасштабная деятельность по распространению экстремистской исламистской пропаганды и создаются условия для прямого вмешательства во внутренние дела Болгарии. В соответствии с подписанным в 1999 г. соглашением о сотрудничестве между Управлением по делам религий при Совете министров РБ и Управлением по делам религий Турецкой Республики (Дианет) турецкие имамы получили право свободно и законно осуществлять религиозную и просветительскую деятельность в Болгарии, а все средства для обучения мусульманского духовенства в Болгарии были переданы Турции. После заключения соглашения Турция взяла на себя все расходы, необходимые для обучения мусульманского духовенства в Болгарии. Турция наряду с Саудовской Аравией, Иорданией, Катаром, ОАЭ, Оманом и т.д. прямо спонсирует деятельность Главного муфтията Болгарии. Главный муфтий не способен гарантировать, что идеи вне традиции болгарской мусульманской общины не распространяются через привлеченное финансирование, но государство не требует ответственности Главного муфтията.

Принятый в 2002 г. закон о религиозных конфессиях дал право руководству религиозных сообществ, зарегистрированных в Болгарии, приглашать иностранцев для проповеди. В том же году трехсторонняя коалиция NMSS, БСП и ДПС позволила турецкой Dianet подписать новое бессрочное соглашение о сотрудничестве уже не с правительством Болгарии, а с главным муфтием. Оно вообще не было отправлено на рассмотрение в Управление по делам религий Совета Министров Болгарии. Согласно новому соглашению, некоторые из сотрудников турецкой Дианет были назначены в Болгарии заместителями директоров или преподавателями Корана в средних мусульманских школах в Русе, Шумене и Момчилграде (среди них те, кто

участвует в контроле за проведением обучения и расходованием средств из Турции); проректорами и преподавателями Высшего исламского института (ВИЭ); имамами в болгарских мечетях (например, в мечети Тумбул в Шумене); чиновниками в администрации Главного муфтията. Ныне основная часть персонала религиозного образования – либо граждане Турции, либо выпускники ее учебных заведений.

Так сложилась ситуация, при которой главный муфтий Болгарии в идеологическом и финансовом отношении зависит от представителя Дианет в посольстве Турции и должен координировать с ним все свои действия. Турецкие государственные служащие, ответственные за продвижение турецких интересов в Болгарии, назначаются заместителями регионального муфтия в региональных муфтиятах, а региональные губернаторы организуют обрезание мусульманских мальчиков под турецкими флагами в мечетях после ритуала с подарками из Турции. Болгарская НПО, которой является Главный муфтий, подписывает соглашение с иностранным государственным органом в ранге министерства и вступает в отношения, затрагивающие более 600 тысяч болгарских граждан. Таким образом, Турция напрямую управляет болгарскими гражданами на территории Болгарии, принимая непосредственное участие в делах болгарской мусульманской общины и управлении внутренними делами страны. Показательным в этом отношении является дело Адема Йерринде, главного координатора Дианета в Болгарии, экстрадированного в январе 2009 г. за деятельность, направленную против национальной безопасности.

Все исламские училища, курсы и школы-пансионы открываются с ведома и разрешения Главного муфтията, но он не создает механизма, позволяющего контролировать места религиозного образования, что усиливает риск распространения крайней исламистской идеологии. Также нет механизма контроля тех, кто проповедует и занимается религиозным обучением. При проведении инспекций Управления по делам религий его сотрудники проверяют только те программы, по которым обучаются дети, но не могут удостовериться, что они действительно обучаются по этим программам. А муфтият не может даже предоставить данные об общем количестве болгарской молодежи, которая получила мусульманское образование в Болгарии, в Турции и в арабских странах [9].

На этом фоне оказывается поддержка и поощряются пропагандистские акции (радио- и телепередачи, трансляции фильмов и т.д.), искажающие историческую правду о «возрожденном процессе», искусственно разжигающие ненависть между турками и помаками и другими этнорелигиозными сообществами Болгарии. Не без участия Турции был установлен памятник болгарским туркам на станции Буново, где в 1985 г. турецкие террористы взорвали пассажирский поезд Бургас-София, что сделало Болгарию единственной страной в мире, которая установила памятник террористам. Был

представлен даже скандальный запрос на возведение мемориала на пике Шипка туркам, погибших в ходе Освободительной русско-турецкой войны.

Продолжает осуществляться турецкая геостратегия, согласно которой исповедующие ислам тюркоязычные болгарские граждане являются «чистокровными турками» и рано или поздно будут включены в состав «родной страны» Турции. Как отмечал в своей известной книге «Стратегическая глубина» (2001) ставший позднее министром иностранных дел и премьер-министром Турции профессор Ахмет Давутоглу, «мусульманские меньшинства, унаследованные от османского государства, являются основой политического влияния Турции на Балканах». При этом он четко перечислил их: «мусульманские меньшинства в Болгарии, Греции, Македонии, Санджаке, Косово и Румынии». По его словам, Турция имеет перед ними «исторические обязательства и ответственность», и среди «первостепенных целей балканской политики Турции в краткосрочной и среднесрочной перспективе» – «создание международно-правовых оснований для создания защитного зонтика над этническими меньшинствами в регионе». В рамках этих правовых оснований Турция должна постоянно искать гарантии, которые дадут ей право вмешиваться в дела, касающиеся мусульманских меньшинств на Балканах. Чтобы Балканы снова стали турецкими, согласно Давутоглу, необходимо использовать НАТО «против позиции Европы» и принять меры «для нейтрализации российского фактора» [6. С. 154-155, 382].

Все это ведет к тому, что современные болгарские турки инкапсулируют, отчуждаясь от Болгарии и отказываясь интегрироваться в многосоставную болгарскую нацию. Многие из них считают Турцию своей родной страной и рассматривают Болгарию как временную родину; другой рассматривает Болгарию как подлинную родину, а Турцию – как альтернативную родину (возможность выживания в условиях экономического кризиса или насилия). Однако вследствие такой политики Анкары болгарские турки оказываются в положении «рискованного меньшинства», если использовать терминологию авторитетного американского конфликтолога, профессора Теда-Роберта Гера [5]. Это показывают имеющиеся исследования, согласно которым болгары с подозрением, враждебностью и страхом относятся к болгарским туркам. Они расценивают действия, связанные с формированием многонационального общества в Болгарии, как такие, которые, по словам Ангела Димова, «противоречат нашей Конституции, подрывают единство нации и ставят под угрозу безопасность и само существование болгарского государства» В связи с этим вновь звучат призывы вернуться к политике Т. Живкова: как отмечает А. Димов, «потребность в законе об обязательном крещении новорожденных детей из тюркских и мусульманских семей с болгарскими именами явно назрела в нашей стране. Целесообразно сформировать однонациональное болгарское государство» [8. С. 67].

Сегодня болгары опасаются внутренней дестабилизации по образцу Македонии, которая до 2001 г. гордилась тем, что является самым мирным

балканским государством, поскольку она полностью гарантировала права и свободы меньшинств, в т.ч. их широкое представительство во всей иерархии власти, сильное присутствие в армии и полиции. Албанские партии были пропорционально представлены в македонском парламенте; две из трех албанских партий участвовали в коалиционном правительстве страны, имея посты заместителей премьер-министра и заместителей министров во всех министерствах, включая силовые, а министр иностранных дел представлял только 4% турецкого меньшинства. Македония приняла около полумиллиона косовских албанцев, которые покинули Сербию во время косовского конфликта (большинство из них не вернулись туда). Тем не менее, по инициативе заинтересованных иностранных сил македонские албанцы взорвали страну изнутри летом 2001 г. В обстановке, когда под угрозой оказались целостность и само существование государства, все мусульмане (албанцы, турки, исламизированные цыгане и торбисы) вели себя как единое целое, а их партии действовали синхронно, следуя общей программе глубоких изменений македонской государственности, в то время как славянское христианское большинство было отделено от политических партий, боровшихся друг с другом за власть. В этой критической ситуации при посредничестве Запада албанцы внесли – в рамках Охридского соглашения от 13 августа 2001 г. – 15 поправок к Конституции, учреждающей новое «многонациональное» государство, отказавшись от тезиса о единой македонской нации, устанавливая привилегированное положение македонского меньшинства и особый статус албанского языка, а также вводя право блокировать государственные решения, не поддерживаемые как минимум половиной общин меньшинств. Сразу после вступления в силу конституционных изменений (2004 г.) был принят новый Закон об автономии местного самоуправления, содержащий новые серьезные уступки албанцам. Вся эта драма македонской государственности подготовила почву для новой перекройки границ на Балканах. Бывший госсекретарь США профессор Генри Киссинджер и бывший министр иностранных дел Великобритании лорд Дэвид Оуэн открыто предложили разделить «нежизнеспособную» Македонию между соседями. И хотя пока что Македония выжила, битва за ее будущее еще впереди.

Уроки македонского кризиса представляют интерес из-за удивительных параллелей с Болгарией. Болгарские мусульмане являются крупнейшим меньшинством в Болгарии, причем политически организованным, и не доверяющим преобладающему этносу – болгарам и болгарскому государству. У них растет чувство уверенности в том, что Турция станет региональной сверхдержавой, пользующейся (по крайней мере, до недавнего времени) поддержкой США, НАТО и ЕС. За ними стоят не только Турция и Запад, но и страны Организации исламского сотрудничества. Однако параллели с Македонией наблюдаются и в непостижимом поведении болгарской государственно-политической элиты по отношению к рискованному, в болгар-

ском случае турецко-мусульманскому меньшинству. Кроме того, вызывают опасения как возможный прецедент и действия Турции на Ближнем Востоке, когда, воспользовавшись борьбой с террористической организацией «Исламское государство» и военной интервенцией США в Ираке и Сирии без мандата Совета Безопасности ООН, Турция начала военные операции в Сирии и Ираке. Как отмечал профессор международных отношений Хасан Кени, настоящая цель Анкары – участвовать в возможном восстановлении границ в регионе после поражения Исламского государства. Особенно значительным явилось размещение турецких войск в Ираке без разрешения правительства этой страны в 2016 г. Правительство Ирака сразу же посчитало эти действия Анкары территориальными претензиями на давно оспариваемый Мосул [1].

Решение задачи ограничения турецкого влияния в Болгарии предполагает прежде всего меры по борьбе с демографическим кризисом – например, путем массового переселения в этнически смешанные регионы Болгарии зарубежных болгар из таких стран, как Сербия, Украина и Молдова, что предложили лидер ВМРО Красимир Каракачанов и профессор Божидар Димитров. Повторная болгаризация Родопов и Лудогорья без каких-либо сопутствующих репрессивных или дискриминационных мер в отношении меньшинств может иметь решающее значение для обеспечения внутреннего мира и устранил предпосылки для возможных будущих проявлений сепаратизма или эскалации этнического конфликта. Также предлагается радикальное сокращение политического веса протурецких этнических партий, установление контроля над деятельностью Главного муфтията и восстановление болгарской армии, которая должна насчитывать не менее 150 тысяч человек (что на практике может быть достигнуто только с восстановлением обязательной военной службы). Чтобы понять необходимость хотя бы частичного восстановления военного паритета, необходимо понимать, что Турция имеет вторую по величине и боеспособности армию в НАТО исключительно для защиты национальных границ и своих стратегических интересов на Ближнем Востоке и на Балканах. Самая сильная турецкая воинская часть, 1-я турецкая армия, дислоцируется в Восточной Фракии, а в 2010 г. Болгария была включена в список основных и самых серьезных угроз в турецкой военной доктрине [10].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аврейски Н.* Голямото предизвикателство пред националната сигурност на България // <https://geopolitica.eu/spisanie-geopolitika/165-2017/broi6-2017/2736-golyamoto-predizvikelstvo-pred-natsionalnata-sigurnost-na-balgariya>.
2. Болгария после болгар // Капитал. 23.04.2013.
3. *Валева Е.Л.* Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980-е гг.) // Славянский альманах. 2013.

4. Визия за България. 06. Четвъртата (българска) държава // <https://bgvision.bg/chetvurtata-bulgarska-durjava>.

5. Гър Т.-Р. Народи срещу държави. Рискови малцинства през новия век. София, 2002.

6. Давутоглу А. Стратегическа дълбочина. Мястото на Турция в международните отношения. София: Изток-Запад, 2015.

7. Димитров П. Демографските тенденции до края на века и перспективите пред България // <https://geopolitica.eu/139-broy-5-2015/2339-demografskite-tendentsii-do-kraya-na-veka-i-perspektivite-pred-balgariya>.

8. Димов А. Болгарската геополитика. С.: Христо Ботев, 2015.

9. Йорданова Х. Кризата в мюсюлманското вероизповедание като фактор за проникването на радикалния ислям в България // <https://geopolitica.eu/2019/175-broy-2-2019/2986-krizata-v-myusyulmanskoto-veroizpovedanie-kato-faktor-za-pronikvaneto-na-radikalniya-islyam-v-balgariya>.

10. Каишев К. Стратегическата визия на България в отношенията с Турция // <https://geopolitica.eu/2018/167-broy-1-2018/2774-strategicheskata-viziya-na-balgariya-v-otnosheniata-s-turtsiya>.

11. Манов Б. Демографската криза и националната сигурност на България // <https://geopolitica.eu/139-broy-5-2015/2321-demografskata-kriza-i-natsionalnata-sigurnost-na-balgariya>.

12. Методиев К. Времето за еволюция в България изтече. Изходът е радикален скок // <http://www.memoriabg.com/2018/06/11/vremeto-za-evoliucia-izteche-izhodut-e-skok/>.

13. Мнозинство и малцинство. Нагласи към различните // <https://alpharesearch.bg/post/965-mnozinstvo-i-malcinstva.html>.

14. Наапетян А. Турки Болгари: пятая колонна Анкары // 21-й ВЕК. 2007. № 1 (5).

15. Стоянова Д. Актуално състояние и перспективи пред ромската интеграция в България / Десислава Стоянова, Миглена Кислева // <https://geopolitica.eu/spisanie-geopolitika/132-2014/broi-4-2014/2096-aktualno-sastoyanie-i-perspektivi-pred-romskata-integratsiya-v-balgariya>.

16. Хаджиев Б. Имигрантската криза и българските страхове // <https://geopolitica.eu/spisanie-geopolitika/160-2016/broi-6-2016/2545-imigrantskata-kriza-i-balgarskite-strahove>.

A.A. KOVALEVSKIY
*Senior Lecturer the Department of Political Science
and Philosophy, Institute of Social Sciences and
International Relations, Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia*

ETHNODEMOGRAPHIC ASPECTS OF MODERN BULGARIAN GEOPOLITICS

The article discusses ethno-demographic trends in modern Bulgarian society in terms of their impact on the Bulgarian national geopolitical consciousness. It is shown that Bulgaria ranks first in the world in terms of population decline, there is a depopulation of vast regions of the country, and the ethnic composition of the Bulgarian nation shows a steady tendency to decrease the share of the Bulgarian ethnic group in it. At the same time, the share of Turkish-Muslim and Gypsy minorities in the population structure is growing rapidly, they enjoy the financial and political support of Turkey and the United States and are concentrated in areas of compact residence, crowding out ethnic Bulgarians from there. A significant part of these minorities is alienated from Bulgaria and refuses to integrate into the multi-constituent Bulgarian nation. In such a situation, “Macedonization” is not ruled out, or – as the most negative possibility – the implementation of some kind of “Kosovoization” of Bulgaria.

Key words: *ethno-demographic trends, Bulgarian nation, Bulgarian geopolitics, Turkish-Muslim and Gypsy minorities, Chief Mufti of Bulgaria, Movement for Rights and Freedoms, Dianet, Turkey.*

АФГАНО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В статье рассмотрены основные исторические аспекты и положения эволюции взаимодействия Ирана и Афганистана после 1979 г. Проведен анализ влияния политики Ирана на Афганистан в этот период. Доказана губительность присутствия США и их союзников, продвигающих суннитский ислам на формирование целостной политики безопасности Афганистана внутри страны и в регионе в целом.

Выделены основные проблемные моменты при взаимодействии Афганистана и Ирана на современном этапе: вопрос границы, вопрос сдерживания наркотрафика, вопрос воды, вопрос беженцев, вопрос прав этнических меньшинств, вопрос с талибами.

Ключевые слова: Афганистан, политика Ирана в Афганистане, «Талибан», стабильность, региональная безопасность, гражданская война.

История Афгано-Иранских отношений и взаимодействие этих государств – чрезвычайно интересный, противоречивый и сложный аспект региональных взаимодействий в Центральной и Южной Азии.

Для нашего исследования временные рамки обозначены с 1979 г., когда Холодная война затронула одновременно Иран и Афганистан. Внутренняя динамика Холодной войны привела к драматическим изменениям в этих соседствующих странах. Когда Афганистан стал коммунистическим, США и западный блок потеряли эту важнейшую для их геополитических стратегий страну, а восемь месяцев спустя был потерян уже и Иран. Таким образом, Исламская Республика Иран стала соседствовать со своим идеологическим противником на севере – Советским Союзом и новым коммунистическим государством на востоке – Афганистаном. В этот период, который продолжался до вывода советских войск из Афганистана, внешняя политика Ирана основывалась на идеалистическом агрессивном подходе, который рассматривался как экспорт Исламской революции, использовался лозунг «ни Восток (СССР), ни Запад (США)». Однако Иран, который находился под сильным давлением войны с Ираком в 1980-х годах (1980-1988), в тот момент

был практически не в состоянии поддерживать группировки единомышленников в Афганистане. С другой стороны, Иран не хотел получить дополнительных врагов в войне с Ираком, поскольку поддержка Ираном противников афганских коммунистов могла побудить СССР принять ответные меры, оказав Ираку военную поддержку. В этом случае Иран разыграл свою «афганскую карту» как эффективное средство добиться уступок от Москвы и ограничить советские поставки оружия Ираку.

В 1990-х годах Иран стал рассматривать Афганистан как место распространения радикальных суннитских группировок, спонсируемых и вдохновляемых Саудовской Аравией и Пакистаном. Таким образом, изменив свою политику, Иран стал помогать Северному альянсу в их борьбе с группировками, поддерживаемыми саудовцами и пакистанцами. В то же время, руководствуясь идеалом исламской солидарности, Иран приютил всех афганцев, бежавших от коммунистического режима.

Таким образом, Иран принял более 3 миллионов афганцев в качестве беженцев, что стало крупнейшим показателем за 1991-1992 гг. В это десятилетие внешняя политика Ирана была идеалистически-реалистской, правительство было полно решимости воплотить идеалы в реальность. Шииты, таджики и узбеки получили главный приоритет во внешней политике Ирана в отношении Афганистана. Но во время президентства Мохаммеда Хатами (1997-2005 гг.) внешняя политика Ирана стала реалистско-идеалистической, что также отразилось на Афганистане. Идеи деэскалации и теория Хатами о «диалоге между цивилизациями» повлияли на поведение Ирана в отношении Афганистана, планировалось создание стабильного государства и проведение диалога между всеми акторами и группами для реализации конструктивного сотрудничества. Наиболее ярким проявлением этой политики является Боннский саммит в 2001 г. [9. Р. 827]. В соответствии с его решениями Иран даже имел возможность ограниченного взаимодействия с США при планировании возможности вторжения в Афганистан.

После падения режима талибов у Ирана появилась стратегическая возможность реформировать свои отношения с Афганистаном и расширить свое влияние. Во время пятилетнего правления талибы проводили строго анти-шиитскую и анти-иранскую политику, поскольку они финансировались Саудовской Аравией. Таким образом, падение талибов положило конец фазе ухудшения отношений между Ираном и Афганистаном [1. Р. 63-78]. Однако Иран столкнулся с гораздо большей угрозой после падения талибов – он стал соседом захваченной США страны. Численность американских войск, их технологические возможности и их международная поддержка вызывали серьезную озабоченность у Ирана. Поэтому Иран пытался продемонстрировать свои интересы в Афганистане и любыми средствами втянуть США в разрушительную войну, ведущую к полному истощению и поражению. Присутствие Соединенных Штатов в Афганистане совпало с иранской

ядерной проблемой и войной США в Ираке, что привело к беспрецедентному давлению на Иран со стороны мирового сообщества.

У США не было намерений реализовать смену режима в Иране, используя фактор Афганистана, однако эти опасения сильно повлияли на мышление лидеров в Иране. Официальные лица этой страны неоднократно возражали против продолжения американского присутствия, что также сильно повлияло на Ирано-Афганские отношения.

Внешняя политика Ирана резко изменилась в эпоху Ахмадинежада, приведя к усилению присутствия США в регионе, что способствовало усилению незащищенности границы с Ираком и требовало выработки нового баланса сил с США. Очевидно, что Иран был недоволен мощным присутствием США в Афганистане и стремился вытеснить американские войска из региона любой ценой.

Позиция Ирана по Афганистану и его отношения с правительством Афганистана не изменились с начала правления Ахмадинежада в 2005 г. Однако еще раньше политика расширения полномочий Хамида Карзая, его усилия по централизации государственной власти и уменьшению влияния сил, близких к Ирану, привели к некоторым колебаниям в отношениях Афганистана с Ираном. Ахмадинежад подчеркивал, что присутствие многонациональных сил вызывает нестабильность в Афганистан и создает препятствия для проектов реконструкции, начатых Ираном в Афганистане.

Иран выступал против дальнейшего присутствия иностранных войск, особенно войск США в Афганистане. По мнению Ирана, такое присутствие легитимизирует и усиливает экстремистские движения в регионе, такие как Талибан и Аль-Каида и разрушает цели Ирана по установлению и укреплению тесных политических и экономических связей с Афганистаном.

Основной целью Ирана было укрепление влияния шиитов в Афганистане, что вызвало конфликт с другими крупными региональными игроками – Саудовской Аравией и Пакистаном. Но Иран даже не смог создать вооруженную группировку шиитов в Афганистане, какая была до этого организована в Ливане, Ираке, Сирии и Йемене.

Иран выступал против оккупации Афганистана Советским Союзом, но в то же время с большим подозрением относился к странам антисоветской оси: Исламабад – Эр-Рияд – Вашингтон. Характер сотрудничества США, Пакистана и Саудовской Аравии представлял прямую угрозу для Ирана. Джихадисты воевали против СССР, и в то же время США и Саудовская Аравия поддерживали Ирак в войне против Ирана.

Озабоченность в Иране вызвала экспансия ваххабизма Саудовской Аравией и Пакистаном в Афганистан, это рассматривалось как «американский ислам» [5. Р. 235-256]. Любая ошибка в Афганистане на тот момент могла дорого обойтись Ирану, поскольку он был вовлечен в неравную войну с Ираком, которую поддерживало большинство арабских стран и западных

держав. Крах коммунистического правительства в 1992 г. и формирование правительства Бурхануддина Раббани привели к доминированию Ирана на политической арене Афганистана, но это не продлилось долго – в 1996 г. к власти пришли талибы. Пакистан, Саудовская Аравия и ОАЭ изолировали Иран, признав правление талибов. Решительная поддержка Ирана со стороны шиитов-хазарейцев, а также таджиков, узбеков и оппозиции союзников Пакистана привели к возможности активного сопротивления Северного альянса до 2001 г. и укреплению влияния в Афганистане после падения Талибана при взаимодействии с американскими военными [4]. После стольких лет Ирану удалось вытеснить Пакистан, Саудовскую Аравию и ОАЭ из Афганистана за счет военных расходов и вооружений США.

В период доминирования талибов в Афганистане политика Ирана основывалась на четырех столпах. Во-первых, правительство талибов не было признано и оказывалась поддержка правительству Раббани. Во-вторых, Северный альянс рассматривался и поддерживался как военный блок против талибов. В-третьих, Иран оказывал помощь Северному альянсу, но не принимал непосредственного участия в борьбе с Талибаном. В-четвертых, Иран активизировал свои усилия по организации мирных переговоров в Афганистане по вопросам будущего этой страны [6. Р. 155-158].

Иран и Соединенные Штаты сотрудничали при разгроме режима талибов и создании нового правительства Афганистана. Иранская армия, элементы которой входили в подразделения Северного альянса, помогла США в 2001 году, когда американские военные прибыли в Кабул, но это взаимодействие не было стабильно из-за других проблем. Вторжение США в Ирак и политика США в отношении ядерной программы Ирана привели впоследствии к агрессивной политике Ирана в отношении присутствия США в Афганистане [7]. В этой связи Афганистан был для иранских властей как плацдарм для соперничества и конкуренции сверхдержав и региональных акторов, таких как Саудовская Аравия и Пакистан. Последствия такого противостояния привели к потоку афганских беженцев в Иран после вторжения США.

После вторжения США Иран испытал серьезные опасения по поводу будущего статуса Афганистана. Проблема беженцев, присутствие военных США, влияние Пакистана и Саудовской Аравии, действия «Аль-Каиды» и «Исламского государства» были одними из наиболее серьезных угроз для Ирана.

Иран имеет долгую историю культурных и политических связей с Афганистаном и на сегодняшний день испытывает глубокую озабоченность в связи с ситуацией в Афганистане. В Иране находятся миллионы афганских беженцев, спасшихся от последовательных циклов войн и потрясений, транзит опиума создал трагическую культуру наркомании внутри Ирана и оказал разрушительное воздействие на безопасность, а религиозные и эт-

нические проблемы в Афганистане имеют свои последствия в шиитском Иране. Но самое главное, Иран воспринимает возвращение правительства Талибов к власти как полную дестабилизацию региона, даже несмотря на присутствие ограниченного диалога.

Подводя итоги и делая выводы, необходимо выделить основные точки соприкосновения Ирана и Афганистана, оказывающие непосредственное влияние на взаимодействие этих стран на современном этапе. Решение части этих вопросов и нивелирование напряженности по остальным сможет трансформироваться в стабилизацию и последующее процветание региона: [6].

1. Вопрос границ – Иран имеет более шестисот километров границ с Афганистаном и постоянно взаимодействует с афганскими силами безопасности для контроля переходов, через которые проходят наркотики и незаконные контрабандные товары на миллиарды долларов. Страна инвестировала средства в оборудование для наблюдения (включая беспилотные летательные аппараты) и развитие таможенной и пограничной службы. Иран сотрудничает с Пакистаном и Афганистаном при проведении совместных приграничных военных операций.

2. Вопрос сдерживания наркотрафика – в Афганистане производится более восьмидесяти процентов мирового опиума. Большая часть этого объема поступает в Иран для употребления и последующего транзита рынки Европы и Ближнего Востока. Иран эффективно сотрудничал с Управлением ООН по наркотикам и преступности в разработке стратегий сокращения спроса и предложения афганских наркотиков.

3. Вопрос воды – засушливая восточная территория Ирана в значительной степени зависит от воды, которая берет начало в горах центрального Афганистана. На протяжении нескольких сотен лет велись споры по поводу притока воды в Иран. Договор 1973 г. не смог упорядочить управление водными ресурсами на этих землях, что придает остроты Ирано-Афганским отношениям. Необходима выработка сбалансированного подхода для решения этих противоречий [3. Р. 20-23].

4. Вопрос беженцев – на сегодняшний день Иран принял несколько миллионов беженцев из Афганистана на различных отрезках его нестабильного состояния. Многие были интегрированы в иранскую экономику, некоторые ведут маргинальную жизнь, а другие находятся в лагерях и будут со временем репатрированы. Иногда Иран использовал принудительную репатриацию афганских беженцев в качестве рычага давления на правительство Афганистана. Некоторые вернувшиеся сообщают о жестоком обращении со стороны иранских сил безопасности, что наносит ущерб имиджу Ирана и создает культурную напряженность между двумя странами. Исторический опыт предоставления Ираном убежища для спасающихся от войны и нестабильности в целом носит благородную основу, но основная идея в том, что Ирана заинтересован в содействии и формировании стабильности аф-

ганского общества для возможности добровольного возвращения беженцев на родину.

5. Вопрос прав меньшинств – Иран имеет стабильный интерес по защите прав хазарейцев, шиитской группы численностью несколько миллионов человек, проживающих в центральной части Афганистана. Они этнически являются монголами, а не персами и имеют прочные культурные и религиозные связи с Ираном. Иран также имеет этнические и языковые связи с другими афганскими меньшинствами – таджиками, говорящими на персидском, исмаилитами и другими небольшими группами. Инвестиции Ирана в инфраструктуру и проекты реконструкции, как правило, осуществлялись в районах, населенных Хазарами, в том числе в Герате, который считается одним из самых стабильным и процветающих городов Афганистана.

6. Вопрос с талибами – самая острая проблема современных Афгано-Иранских отношений. Извечные враги и соперники – шиитский Иран и суннитский Талибан. Здесь возможно одно решение, которое заключается в поиске диалога и не вовлечении населения в потенциальные конфликты и инциденты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Akbarzadeh S.* (2014) “Iran’s policy towards Afghanistan: in the shadow of the United States” // *Journal of Asian Security and International Affairs* 1, 1.

2. *Boulverdi M.* (2005) “Drug production in Afghanistan and its impact on the Islamic Republic of Iran’s security” [Translated from Persian]. *Central Asia and the Caucasus Studies* 49.

3. *Christensen J.* “Strained Alliances: Iran’s Troubled Relations to Afghanistan and Pakistan,” *Danish Institute for International Studies* (2011).

4. *Koepe B.* (2013) “Iran’s policy on Afghanistan; the evolution of strategic pragmatism”. *Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI)*.

5. *Milani M.* (2006) “Iran’s policy towards Afghanistan” // *Middle East Journal* 60, 2.

6. *Milani M.* “Iran and Afghanistan,” in *Wright, Robin, ed., The Iran Primer* (United States Institute of Peace Press with Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2010).

7. *Nader A., Joya L.* (2011) “Iran’s balancing act in Afghanistan”. *RAND Corporation*.

8. *Reuters* (2019) “Iran says Taliban must have Afghan role, but can’t dominate” // <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-talks-iran/iran-says-taliban-must-haveafghan-role-but-cant-dominate-idUSKCN1P311Z>.

9. *Shafaei N.* (2004) “Strategic assessment of the Islamic Republic of Iran’s Foreign Policy in Afghanistan” [Translated from Persian]. *Motaleat_e Rahbord* 6, 22.

SOHRAB BARYA
*PhD student, MGIMO University,
Moscow, Russia*

AFGHAN-IRANIAN RELATIONS: HISTORICAL ASPECTS AND CURRENT SITUATION

The article considers the main historical aspects and positions of the evolution of the interaction between Iran and Afghanistan after 1979. The analysis of the influence of Iran's policy on Afghanistan during this period is carried out. The pernicious presence of the United States and its allies promoting Sunni Islam for the formation of a holistic security policy of Afghanistan within the country and in the region as a whole has been proved.

The main problematic issues in the interaction between Afghanistan and Iran at the present stage are highlighted: the issue of borders, the issue of drug trafficking containment, the issue of water, the issue of refugees, the issue of the rights of ethnic minorities, the issue of the Taliban.

Key words: *Afghanistan, Iran's policy in Afghanistan, the Taliban, stability, regional security, civil war.*

НАШИ АВТОРЫ

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, Россия, г. Новосибирск (marika24@yandex.ru).

Алехина Алевтина Павловна – бакалавр кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (alekhina.alevtina@vvsu.ru).

Алибаев Ерлан Акылжанович – докторант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан, г. Нур-Султан (evrazsouz@yandex.ru).

Асси Абед Эль Рахим – аспирант кафедры политических наук и регионоведения Северо-Осетинского государственного университета, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ (Abdo.c.assi@gmail.com).

Барья Сохраб – соискатель МГИМО(У) МИД РФ, Россия, г. Москва (Nikolay.n.n@yandex.ru).

Дубина Альбина Шагидулловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, Россия, г. Пенза (misurin@bk.ru).

Дубровина Ольга Васильевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (dubrovinaov@list.ru).

Карадже Татьяна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Москва (karadzhe@yandex.ru).

Ковалевский Александр Александрович – старший преподаватель кафедры политических наук и философии Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, Россия, г. Севастополь (ilabian.org@gmail.com).

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ (koibaevbg@mail.ru).

Наджарян Армен Балабекович – аспирант Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ (Nadzharyan.a.b@gmail.com).

Николенко Анастасия Алексеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru).

Онучко Марина Юрьевна – доктор философии, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан, г. Нур-Султан (evrazsouz@yandex.ru).

Оселедец Александр Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент Военного учебного центра Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (morreh.vl@mail.ru).

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, заведующий кафедры экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, Россия, г. Пенза (mamaeva_lv@mail.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Тушков Анатолий Александрович – аспирант кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

OUR AUTHORS

ABRAMOVA M.A. – Doctor of Sciences (Education), Leading Researcher, Doctor of Pedagogical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Research, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia.

ALEKHINA A.P. – Bachelor of the Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

ALIBAEV E.A. – Postgraduate student working for the Doctoral Degree in Political Sciences at the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nursultan, Republic of Kazakhstan.

ASSI ABED EL RAHIM – Postgraduate student of the Department of Political Science regional studies of the North Ossetian state University, Vladikavkaz, Russia.

DUBINA A.S. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, Penza, Russia.

DUBROVINA O.V. – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science and political department of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

KARADZHE T.V. – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Political Science Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

KOIBAEV B.G. – Doctor of Political Sciences, Professor North Ossetian State University K.L. Khetagurov, Republic North Ossetia Alania, Vladikavkaz, Russia.

KOVALEVSKIY A.A. – Senior Lecturer the Department of Political Science and Philosophy, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

NADZHARYAN A.B. – Post-graduate student, North Ossetian State University K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia.

NIKOLENKO A.A. – Graduate Institute of law and administration of the Vladivostok State University of Economics and service Vladivostok State University of Economics and service, Vladivostok, Russia.

ONUCHKO M.Yu. – Doctor of Sciences (philosophy), Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nursultan, Republic of Kazakhstan.

OSELEDETS A.G. – Candidate of Sciences (history), Lecturer at the Military Training Center of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

ROZHKOVA L.V. – Doctor of Sociology, Head of the Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, Penza, Russia.

SOHRAB BARYA – PhD student, MGIMO University, Moscow, Russia.

TUSHKOV A.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

TUSHKOV A.A. – Postgraduate student at the Chair of international relations and law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 10 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 13 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Сноски помещаются постранично, нумерация сносок должна быть сквозная. Шрифт – 12, межстрочный интервал – 1.

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

7. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

8. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наш сайт: www.evrzsouz.ru

E-mail: evrzsouz@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА:

АБРАМОВА Ольга Дмитриевна – главный редактор журнала, доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

БОЖАНОВ Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального технического университета, Белоруссия, г. Минск

НАСИМОВА Гульнар Орленбаевна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АБРАМОВ Валерий Леонидович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры государственного регулирования экономики Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, академик РАЕН, Россия, г. Москва

АРУПОВ Акимжан Арупович – доктор экономических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, директор Института мировой экономики и международных отношений, член Национальной комиссии по структурным реформам в системе образования Центра Болонского процесса и академической мобильности Министерства образования и науки Республики Казахстан, Казахстан, г. Алматы

АЮПОВА Зауре Каримовна – доктор юридических наук, профессор Казахского национального аграрного университета, стипендиат Программы Фулбрайт Правительства США, академик Казахстанской национальной

академии естественных наук, академик Международной Академии информатизации, Республика Казахстан, г. Алматы

БЕКБОСЫНОВ Мэлс Боромбаевич – Председатель Попечительского Совета журнала, доктор политических наук, Россия, г. Москва

БЛОХИН Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

ВЫСОЦКИЙ Андрей Викторович – кандидат политических наук, заместитель главного редактора научного журнала «Евразийский Союз: вопросы международных отношений», Россия, г. Москва

ГАЙДУК Вадим Витальевич – доктор политических наук, кандидат юридических наук, руководитель Центра политико-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Россия, г. Уфа

ГОНЧАРОВ Петр Константинович – доктор социологических наук, профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), Россия, г. Москва

ГРИШНОВА Елена Евгеньевна – доктор политических наук, профессор кафедры информационной аналитики и политических технологий Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Россия, г. Москва

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

КИРАБАЕВ Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, проректор по науке Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

КОЗЛОВ Геннадий Яковлевич – доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, Россия, г. Рязань

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; член Экспертного Совета Комитета по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; почетный работник сферы образования Российской Федерации, Россия, г. Москва

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

МИХАЙЛЕНКО Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитиче-

ской деятельности России факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

МУРАВЫХ Анатолий Иванович – доктор экономических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

НАЗАРОВ Александр Данилович – доктор исторических наук, профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института, Россия, г. Москва

НЕСТЕРЧУК Ольга Алексеевна – доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

ОЖИГАНОВ Эдвард Николаевич – доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор, начальник отделения внешнеэкономической деятельности Института космических технологий Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

ОРЛОВ Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Научно-учебной лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, г. Москва

САВИНОВ Леонид Вячеславович – доктор политических наук, декан факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ЯВЧУНОВСКАЯ Регина Анатольевна – доктор политических наук, Гран-доктор философии Европейской Информационно-логической Академии, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

Academic journal
“Eurasian Union: Issues of International Relations”
Volume 10, Issue 5 (39), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”.

The journal has been registered by the Federal Service for the Oversight of Mass Media, Telecommunications and Protection of Cultural Heritage, registration number PI No.FC77-50417 of June 29, 2012.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo obligatory editorial checking.

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.evrazsouz.ru
E-mail: evrazsouz@yandex.ru

Signed for printing on 26.10.2021
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 500 copies. Order
Printed at the LLC “PrintUP”
Nagorny drive, 12c1, Moscow, Russia, 117105
Tel.: +7 (495) 925-00-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ»

Журнал издается совместно с Институтом современной политики РУДН. Издание нового научного журнала призвано восполнить пробелы развития политической теории и решить проблемы популяризации политической науки в научных и учебных заведениях, а также дает дополнительную возможность многим учёным представить на суд научной общественности свои исследования и организовать дискуссии по актуальным проблемам современной политики.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,489

Интернет-ресурс: www.voprospolitolog.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:

voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Евразийский Союз: вопросы международных отношений».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге
Агентства «Роспечать» в любом отделении связи.

Индекс издания – 81039

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»											
			АБОНЕМЕНТ на журнал									81039		
Евразийский Союз: вопросы международных отношений														
			Количество комплектов											
на 2021 год по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
			Кому _____											
						ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место		литер	на журнал									81039	
Евразийский Союз: вопросы международных отношений														
Стоимость	Каталожная услуга почты											Количество комплектов		
	Полная													
на 2021 год по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)														
Кому _____														